

СОЦИАЛЬНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИА

ВИРТУАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ: ОБЩЕНИЕ БЕЗ ГРАНИЦ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ?

А. С. Горшунова

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск
a.s.gorshunova@mail.ru

Информационно-компьютерная революция, а также изобретение и распространение интернета вызвали интерес ученых к проблемам влияния процессов цифровизации и компьютеризации на различные сферы общественной жизни. Повсеместное внедрение технологий привело к тому, что это влияние стало обоюдным: социальные процессы трансформируют цифровое пространство и способы взаимодействия с ним. Одним из исследовательских вопросов, актуальных с момента возникновения интернета и по сей день, является следующий: относится ли цифровая среда и виртуальные артефакты, наполняющие её, к способам преодоления социальной изоляции или, напротив, приводит к её возникновению и усилению?

Как отмечают ученые, первоначальная реакция СМИ и населения на интернет была преимущественно негативной; в прессе продвигалась идея о том, что «использование интернета вызывает депрессию и социальную изоляцию» (здесь и далее перевод наш – А.Г.), несмотря на то, что исследования в основном свидетельствовали об обратном [McKenna, Bargh, 2000, p. 57]. Описывая взаимодействие с компьютером как уединенное и поглощающее занятие, которое практически не предполагает общения с людьми, исследователи ввели термин «мышление в изоляции» и предположили, что использование компьютера может способствовать снижению навыков социального развития и усилению отчуждения и одиночества у детей и подростков-интровертов [Kreuger et al., 1998, p. 75].

В научной литературе рассмотрены и положительные аспекты социального взаимодействия в сети, связанные с такими характеристиками интернет-коммуникации, как анонимность, независимость от физического расстояния, более низкая значимость внешности и визуальных признаков, а также относительная несущественность времени [McKenna, Bargh, 2000, p. 60]. Таким образом, влияние интернета на общество рассматривается с двух противоположных позиций: возможность создания *киберутопии* за счет потенциала к образованию новых эгалитарных социальных сетей, с одной стороны, и вероятность появления *кибергетто*, с другой стороны, вследствие сохранения в интернете традиционных сообществ с иерархическими социальными связями и отношениями, структурированными по классовому признаку [Ebo, 1998, p. 2].

Как отмечает Ч. Крук, в настоящее время технологии рассматриваются «с точки зрения потенциала для создания социальных сетей, а не социальной изоляции» [Crook, 2013, p. 36]. Цифровые технологии предоставляют не только возможности для общения на расстоянии, но и различные инструменты для ведения совместной деятельности с целью производства виртуальных артефактов – «нематериальных объектов, созданных <...> в цифровой среде, такой как интернет, интранет, киберпространство или виртуальная реальность» [Siraj, 2015, p. 673]. С начала 2000-х гг. количество виртуальных артефактов, создаваемых сообществами, стало увеличиваться. К артефактам подобного рода относятся не только онлайн-энциклопедии и базы знаний, но также форумы и блоги, наполнение соцсетей и так далее. Значение виртуальных артефактов для кооперации и преодоления социальной изоляции трудно переоценить. Особенно ярко это качество проявилось в период пандемии, когда многие сферы взаимодействия – работа, учеба, общение – были переведены в дистанционный формат, что позволило людям оставаться на связи и продолжать совместную деятельность.

Общение в сети и участие в коллективном создании виртуальных артефактов являются способом преодоления социальной разобщенности; в то же время, перенос совместной деятельности в онлайн может стать причиной социальной изоляции и повлиять на различные аспекты реальной жизни. Механизмы возникновения изоляции могут быть как социальными, так и техногенными. С техногенными механизмами связано понятие цифрового неравенства, которое ассоциируется с доступом к технологиям или с умением их использовать [Лапин, 2021, с. 53]. Люди, не обладающие нужными навыками или не имеющие доступа к интернету либо к ресурсам для создания артефактов, оказываются исключены из круга общения и не могут получать необходимую информацию или получают её несвоевременно. В качестве примера можно привести популярную практику использования школьных, соседских, рабочих и других групповых чатов в мессенджерах или социальных сетях для общения и размещения объявлений; для участия в подобном взаимодействии необходимо иметь смартфон или компьютер, а также аккаунт на соответствующей платформе, и уметь ими пользоваться.

Примером социального механизма возникновения изоляции является такой аспект цифрового социального мира, как сетевая травля, или «кибербуллинг» [Crook, 2013, p. 36]. Травля может происходить как в адрес конкретного человека, так и по отношению к группе лиц на основании этнического, религиозного и других признаков. Кроме того, исключением отдельных людей или целого круга лиц из числа онлайн-общения, происходящего в рамках определенной соцсети, может управлять государство или владелец платформы – виртуального артефакта. Государство блокирует доступ к платформам на уровне локального сегмента интернета, вводя запреты на законодательном уровне, тогда как ограничение возможности использования со стороны владельца виртуального артефакта

происходит путем блокировки доступа к самой платформе или удаления аккаунта, в том числе, по признаку государственной, территориальной или этнической принадлежности. Масштаб крупных онлайн-платформ позволяет им осуществлять надгосударственную изоляцию. Широко известным примером является блокировка аккаунта президента США Дональда Трампа компанией Twitter. Таким образом, возможность доступа к контенту, создаваемому аудиторией, зависит от владельца платформы. При этом даже одобренные сервисом произведения авторов могут быть показаны только в виде и порядке, определяемом внутренними алгоритмами, или скрыты для широкой публики за счет требования платформы создать аккаунт – это также можно рассматривать как своего рода социальную изоляцию.

Цифровизация различных сфер социальной жизни привела к повышению ценности онлайн-пространства и виртуальных артефактов для пользователей. Люди общаются в социальных сетях и используют онлайн-платформы для зарабатывания денег; лишение доступа к этим ресурсам воспринимается как посягательство на свободу, что позволяет владельцу артефакта управлять поведением аудитории. В настоящее время это явление приобрело настолько массовый характер, что позволяет сделать вывод о том, что из инструмента для ведения совместной деятельности, способствующего процессам глобализации, виртуальные артефакты всё больше превращаются в средство социальной изоляции и разобщения.

Литература

Лапин, Д. А. (2021). Актуальность медиаобразовательных программ в контексте преодоления цифрового неравенства. *Меду@льманах*. № 6 (107). С. 53–59. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2021.5359

Crook, Ch. (2013). The Field of Digital Technology Research. In Price, S., Jewitt, C., Brown, B. (Ed.), *The SAGE Handbook of Digital Technology Research*. Los Angeles: SAGE Publications Ltd.

Ebo, B. (1998) Internet or Outernet? In Ebo, B. (Ed.) *Cyberghetto or cybertopia? : race, class, and gender on the Internet*. Greenwood Publishing Group, Inc.

Kreuger L. W., Karger, H., Barwick K. (1988) A Critical Look at Children and Microcomputers: Some Phenomenological Observations. *Early Child Development and Care*. Vol. 32. Iss. 1–4. Pp. 69–82, DOI: 10.1080/0300443880320108

McKenna, K., Bargh, J. (2000). Plan 9 From Cyberspace: The Implications of the Internet for Personality and Social Psychology. *Personality and Social Psychology Review* Vol. 4. Iss. 1 Pp. 57–75. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0401_6

Siraj, S. (2015) Socially Constructed Virtual Artifacts. In J. M. Spector (ed.) *The SAGE Encyclopedia of Educational Technology*. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ АВТОКРАТИЯХ

И. И. Дятлов

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

i.diatlov@g.nsu.ru

Классические диктатуры зиждились на страхе, насилии, тотальном изоляционизме и массовой индоктринации соответствующими идеологемами. В этом смысле взаимодействие классических авторитарных режимов с публичным пространством ограничивалось репрессивным воздействием. Неудобные власти книги – сжигались, или «чистились» с помощью отрядов специального назначения, чья цель заключалась в изъятии книг из магазинов и библиотек. Оппозиционеры – уничтожались либо физически, либо изолировались социально. Иными словами, классическая парадигма управления блокировала одни модели поведения, и всячески поощряла другие. Такое поощрение сопровождалось специальными идеологическими проработками и публичным страхом наказания за инакомыслие.

Современные авторитарные режимы функционируют совершенно по-другому. Сегодня страны стараются не ограничивать свободу перемещения граждан. Кроме того, стремясь к полноценному инкорпорированию в глобальный рынок, страны всячески поощряют технологическое развитие и партнерские экономические связи. В современных автократиях не наблюдается идеологической индоктринации, а насилие незаметно и не является массовым явлением.

Текущее положение вещей разные исследователи обозначают сходными, но нюансированными терминами. Часть академического сообщества называет такие режимы электоральными автократиями (*electoral autocracy*), поскольку такие режимы стремятся мимикрировать под демократию, создавая демократический фасад, за которым скрывается авторитарный механизм управления. Другие исследователи делают акцент на усилия автократа выстроить свою вертикаль власти, обозначая такие режимы персоналистскими автократиями (*personal autocracy*). Третьи же, вслед за исследованиями Гуриева и Тризмана, называют такие режимы информационными автократиями, которые как раз прямо связаны с использованием публичного пространства, и медиапространства (*informational autocracy*) [Guriev, Treisman, 2022].

Исследователи выдвигают гипотезу, согласно которой основной успех и секрет выживаемости современных авторитарных режимов заключается в эффекте манипулирования информацией. В этом уравнении всегда находятся три звена в постоянной динамической связи: *а)* информированное меньшинство; *б)* автократ и его институты; *в)* население (подавляющее большинство).

Авторитарный лидер в современных обществах строит свою риторику не на подчинении и страхе, а на управленческой эффективности. Популярность лидера конструируется с помощью медиа-ресурсов и по возможности реальных позитивных достижений. Если эти позитивные достижения действительно наличествуют, они всячески превозносятся и записываются в счет репутации автократа. Если экономика не растет, а достижения скромные, то ошибки и неудачи списываются на объективные причины, либо замалчиваются.

Поскольку информированное образованное меньшинство всегда в курсе положения дел, оно старается донести информацию до большинства о настоящем положении дел и некомпетентности текущего лидера. Автократ же, в свою очередь, жизненно заинтересован в том, чтобы всеми доступными средствами заблокировать сообщение образованного меньшинства – сделать так, чтобы оно не дошло до населения. В случае, когда это невозможно, необходимо затратить ресурсы для отражения атаки и создания нейтрализующего сообщения, которое бы объясняло лживость и несоответствия т.н. «экспертов» со стороны образованного и критически настроенного меньшинства.

Помимо классических способов (кооптация во властную элиту, подкуп и репрессии), современные автократы используют широкий ассортимент методик воздействия на медиaprостранство.

Скрытие насилия. Авторитарные лидеры используют современные медиа для манипуляции вниманием. Например, они совершают посадки оппозиционеров по неполитическим статьям. Такой способ тюремного заключения легко трансформируется в публичное сообщение о том, что посаженные люди – это просто плохие граждане, которые из рук вон плохо выполняли свои общегражданские обязанности (плохо платили налоги, нарушали общественный порядок, охотились или рыбачили без лицензии и т.д.). В случае, если тюремный срок начинает привлекать слишком много внимания, а фигура оппозиционера стремительно эволюционирует в добровольного мученика, режим меняет стратегию. При таком раскладе власть ограничивается краткосрочными, но постоянными арестами и заключением под стражу. Это позволяет выключить оппозицию из политической борьбы, и в то же время распространять все то же сообщение о порочных наклонностях граждан, которые не соблюдают законы, и только поэтому являются постоянными гостями полицейских участков и спецприемников.

Цензура. Несмотря на показную приверженность демократическим ценностям, современные автократы активно занимаются цензурой с помощью медиа. Как правило, авторитарные лидеры оставляют одно-два оппозиционных издания, блокируя все остальные. Стратегия в данном случае заключается в том, чтобы максимально изолировать население и сузить категорию людей, способных получить сообщение от оппозиции. В случае «прорыва» оппозиционеров на массовые телеканалы и радиовещание, всегда

легко прибегнуть к аргументу от «технических неполадок» (обрыв кабеля, помехи в вещании и т.д.). Создание ситуации фиктивного плюрализма мнений работает на популярность автократа, поскольку тот всегда может сослаться на факт наличия различных мнений по поводу его политического курса. Таким образом, можно сказать, что в современных автократиях не только есть цензура, но и более сложный механизм блокирования сообщений о наличии цензуры. Сообщения о цензуре тоже цензурируются. Это происходит, например, когда автократ позволяет присутствовать иностранным наблюдателям на важных президентских выборах. Естественно, что иностранные наблюдатели быстро замечают неравную и несправедливую дистрибуцию эфирного времени между кандидатами, процедурные нарушения в ходе электорального процесса и т.д. Однако эти доклады и жалобы иностранных наблюдателей не появляются в фокусе внимания большинства населения благодаря механизмам цензуры.

Популярность. Классические диктаторы завоевывали популярность с помощью своей личной харизматики и массового культа, который обслуживали целые институты. Текущая ситуация в корне отличается. Автократы активно пользуются современными медиа для конструирования своей популярности. Популярность (*celebrity*) в текущей ситуации означает спонтанную, децентрализованную и внешне не контролируемую народную любовь, и почитание. Образы современных автократов наводняют публичное пространство и включаются в рыночное предложение. Как правило, эти образы и массовая продукция лишены серьезного подтекста, подчас ироничны, но тем не менее работают на символическую повторяемость и эффект присутствия лидера. Здесь достаточно ярким примером является первый срок президентства Владимира Путина, когда на волне популярности стали появляться и соответствующие предметы с изображением на них первого лица государства (майки, матрешки, водка, парфюм и т.д.). Кроме того, авторитарные лидеры современности с большой охотой появляются на публике. Особенно популярны фотографии со звездами. Так символический капитал другой селебрити начинает работать и на национального лидера, подавая через СМИ сигнал-сообщение о том, что национальные любимцы другой страны любят и дружат с авторитарным лидером. Такая стратегия позволяет приобрести дополнительный аргумент для внутреннего использования.

Литература

- Geddes, B., Wright, J., Frantz, E. (2018). *How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse*. Cambridge. Cambridge University Press.
- Guriey, S., Treisman, D. (2019). Informational Autocrats. *Journal of Economic Perspectives* 33, No. 4. Pp. 100–127.
- Guriey, S., Treisman, D. (2020). The Popularity of Authoritarian Leaders: A Cross-national Investigation. *World Politics* 72, No. 4. Pp. 601–38.

Guriev, S., Treisman, D. (2020). A Theory of Informational Autocracy. *Journal of Public Economics* 186. Pp. 104–58.

Guriev, S., Treisman, D. (2022). *Spin dictators. Changing face of tyranny in the 21s century*. Princeton, Oxford. Princeton University Press.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ЛИДЕРА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

А. Н. Кислицина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

annakislitsina@yandex.ru

*Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 20-68-46003
«Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»*

Современная медийная реальность характеризуется активным конструированием новых образов социальных субъектов. Интерес к образу современной российской женщины имеет особую актуальность, поскольку демографическая ситуация в стране в значительной степени зависит от целевых и ценностных ориентаций женщин. Кроме того, вопрос роли современной женщины в обществе активно дискутируется в свете феминистских течений, которые оказывают значительное влияние на конструирование женского образа в информационном пространстве. В языке трансформация взглядов на роль женщины в обществе выражается в том числе в появлении новой лексики: *попфемки, радфемки, соцфемки* и другие *фемки* – слова, пополнившие лексический фонд русского языка в XXI веке. Также современным трендом стало образование феминитивов: *редакторки, блогерки, авторки, инфлюенсерки* и др., – как будто бы утверждают роль женщины как самостоятельной социальной, профессиональной личности.

Цель нашей работы – лингвистическими методами составить портрет современной женщины-лидера. Материалом для исследования послужили контексты, извлеченные из современного медиадискурса. Н. В. Черникова отмечает, что «в русском языковом сознании образ женщины многомерен, он складывается из противоречивых признаков, обладает богатством разнообразных ассоциаций и интерпретаций» [Черникова, 2015, с. 67].

Традиционный взгляд на образ женщины фиксируют толковые словари русского языка. Так, «Словарь русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой) 1999 года издания представляет женщину как «лицо, противоположное по полу мужчине», в основном значении, а также в оттенках значения фиксируются психологические свойства «лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств», и семейный статус женщины: «лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке» [Евгеньева, 1999, с. 478]. В «Большом универсальном словаре русского языка» 2017 года под ред. В. В. Морковкина в первом значении конкретизируется физиологический критерий отличия женщины от мужчины «лицо женского пола, то есть такое, которое способно рожать детей», во втором значении актуализируется семантика психологических свойств женщины «лицо женского пола как воплощение женского начала», и в оттенке «лицо женского пола, имевшее сношения с мужчиной»

[Морковин, 2017, с. 300]. Таким образом, семантический объем значений, зафиксированных в словарях, включает в себя дифференцирующие семы «противоположность по полу мужчине», «физиологическое состояние», «воплощение свойств, качеств, женского начала», «состоящее или состоявшее в браке», то есть самые общие (как физиологические) и в настоящее время спорные (как статус брака и женское начало) характеристики.

Современный взгляд на женщину можно представить, осуществив контекстный анализ употребления слова «женщина» в медиадискурсе. В частности, нас интересует вопрос о том, как репрезентирован образ в СМИ «женщины-лидера», в то время как это качество не представлено в указанных словарях, даже в контекстах акцент делается на «женском начале»: кокетстве, манерах, материнстве и др. В то же время обращение к текстам, посвященным женщинам или упоминающим женщин, позволяет выявить более широкий спектр их характеристик. Мы рассмотрели употребление слова «женщина» в контексте политики и лидерства в текстах СМИ, представленных в Национальном корпусе русского языка, что позволило сформулировать ряд семантических признаков, которые репрезентируют современные представления о женщине-лидере.

Одно из таких представлений транслирует идею о том, что женщина способна органично сочетать роли лидера и члена семьи (матери / жены / сестры): *«Ведь женщина-лидер не уступает мужчине, но при этом она часто выполняет сразу несколько ролей – она ещё и жена, мама, дочь, сестра»* [Сапрыгина, 2021].

Кроме того, в изученных текстах нашли свое отражение представления о женщине как об эффективном лидере: *«Присутствие женщин среди лиц, принимающих решения, повышает эффективность этих решений – будь то государственное управление, ведение бизнеса или работа некоммерческих и неправительственных организаций»* [Шипачева, Михантьева, 2022].

При этом также присутствует точка зрения о том, что в отношении к женщине отсутствует равноправие, так как ее действия в большей степени подвергаются критике, чем поступки мужчин: *«Карьера женщин на руководящих позициях часто продвигается с трудом, и эта проблема широко обсуждается. Но гораздо реже говорят об основной причине этого явления – о том, что ошибкам женщин в работе часто придают излишнее значение, а наказание за них бывает чрезмерным. В то же время начальство нередко игнорирует промахи мужчин, указывают исследователи, консультанты и тренеры по лидерству»* [Лаблин, 2018].

В то же время утверждается, что женщину-лидера от мужчины-лидера отличает только гендерная повестка: *«Она пришла к власти как представитель вполне "мужской" партии, ее случай как раз доказывает то, что сама по себе женщина-лидер без "женской повестки дня" ведет себя так же, как мужчина»* [Ажгихина, 1997].

Отрицательное отношение к женщине-лидеру выражается во мнении, что она не обладает волей: *«Мужчина-политик – это сочетание воли и интеллекта, женщина-политик – сочетание интеллекта и совести, а вместе и будет то, что надо – сочетание воли, интеллекта и совести»* [Какое место..., 2006]. В российском обществе существует очевидная установка насчет того, что женщина должна быть прежде всего женщиной. Вероятно, здесь подразумевается семантика сугубо женских качеств, «женского начала», зафиксированная в словарях: *«Мария, для меня вы прежде всего женщина, а совсем не человек в мундире из МИДа»*, [Мельман, 2017].

Об образе женщины-политика исторически сложился ряд мифов, а именно: если женщина совершает ошибки, то именно потому, что она женщина; внешность женщины всегда играет решающую роль в том, как складывается её карьера на политической арене; женщины не приходят в политику самостоятельно и проч. [Балалуева, 2014, с. 30].

И. А. Балалуева предлагает типологию женских образов на основании деятельности и преобладания маскулинных, фемининных или андрогинных черт в образе. Наш материал также подтвердил возможность выделения ряда доминирующих медиаобразов женщин-политиков.

«Железные леди» (М. Тэтчер, Э. Набиуллина) – консервативный имидж, высокий профессионализм, жесткость и принципиальность, оперативность в решении политических вопросов. Такие женщины во внешнем облике поддерживают традиционные атрибуты женственности, но в профессиональной деятельности ведут себя подчеркнуто агрессивно, легко берут на себя ответственность за значимые решения [Балалуева, 2014, с. 29]: *«Пресса неоднократно указывала, что Лиз Трасс стремится подражать "железной леди", ради чего даже изменила тембр голоса. Отмечалось, что "тон голоса Трасс стал более глубоким, а темп речи – более размеренным; так она старается подражать своей героине – Маргарет Тэтчер"»*, [Звягинцев, 2022]. *«Действующий глава кабинета министров Великобритании Джеймс Кэмерон заявил, что страна потеряла "великого лидера, великого премьер-министра, великого британца"»* [Скончалась..., 2013].

«Антиженственные» политики (А. Меркель, Т. Халонен), профессиональные и успешные управленцы, представительницы неяркого внешнего имиджа. Их политический стиль – уравновешенный, компромиссный, аналитический, они избегают острых конфликтов. Атрибуты женственности такие политики не используют, что не мешает им успешно выступать на публике [Балалуева, 2014, с. 29]: *«Т. Халонен называет себя прагматиком и не считает, что безвизовый режим между ЕС и Россией станет в ближайшее время реальностью»* [Амелюшкин, 2011], *«Меркель всегда отличалась спокойствием, стабильностью и прагматизмом. Изменять привычкам – не в ее правилах»* [Бахлина, 2017].

Политики как секс-символы (А. Кабаева, С. Хоркина) – как правило, политики без профильного юридического образования. Такие женщины зачастую не демонстрируют явных политических успехов и не принимают активного участия в решении важных вопросов, но привлекательность и неформальные связи помогают им занимать государственные должности [Балалуева, 2014, с. 29]: «С 2008 по 2011 год Мара Карфанья занимала пост министра по делам равных возможностей в правительстве Берлускони, однако о результатах ее работы знают немногие итальянцы: большинство из них больше интересовались внешностью и личной жизнью министра, а не ее профессиональными качествами» [Рутов, 2017].

Резюмируя некоторые наблюдения над репрезентацией медиаобраза «женщина-лидер» в современных СМИ, можно сделать вывод, что представления о «женщине-лидере» амбивалентно: с одной стороны, она – эффективный прагматичный управленец вне гендерной роли, с другой стороны, авторы текстов выражают довольно скептическое отношение к женскому лидерству, приписывая ему стереотипно фемининные черты, такие как слабость и безвольность. Перспектива исследования видится в изучении репрезентации образа женщина-лидера в текстах блогов и группах в социальных сетях, в том числе феминистской направленности, а также в зарубежных СМИ, поскольку в данных источниках зачастую транслируется принципиально иной взгляд на роль женщины в социуме.

Литература

Ажгихина Н.И. (1997). Истоки и смысл русского феминизма. *Независимая газета* [Электронный ресурс].

URL: [https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?](https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?docid=cGFwZXIvMTk5MC9uZzE5OTcvMDQwL04wNDAtNjQueGls&lang=ru&mode=paper&req=%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80&sort=i_grtagging&text=lexform)

[docid=cGFwZXIvMTk5MC9uZzE5OTcvMDQwL04wNDAtNjQueGls&lang=ru&mode=paper&req=%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%BB](https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?docid=cGFwZXIvMTk5MC9uZzE5OTcvMDQwL04wNDAtNjQueGls&lang=ru&mode=paper&req=%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80&sort=i_grtagging&text=lexform)

[%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80&sort=i_grtagging&text=lexform](https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?docid=cGFwZXIvMTk5MC9uZzE5OTcvMDQwL04wNDAtNjQueGls&lang=ru&mode=paper&req=%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80&sort=i_grtagging&text=lexform) (дата обращения: 07.09.2022).

Ажгихина Н. И. (2007). Когда Россией будет управлять Маргарет Тэтчер? Несколько штрихов к коллективному портрету женщины-политика в российском информационном пространстве и о самом медийном пространстве. *«Гендерные исследования»*. № 16. С. 6–24.

Амелюшкин К. (2011). Тарья Халонен: рецепт отношений с Россией. *Delfi* [Электронный ресурс]. URL: <https://m.delfi.lt/ru/news/article.php?id=47147977> (дата обращения: 12.09.2022).

Балалуева И. А. (2014). Медиаобраз женщины и развитие гендерного дискурса в современных российских федеральных газетах. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. №12-1. С. 26–32.

Бахлина О. (2017) Ангела Меркель: «Не думаю, что быть амбициозной – это плохо». *Forbes Woman*. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.forbes.ru/forbes-woman/348815-angela-merkel-ne-dumayu-chto-byt-ambicioznoy-eto-ploho> (дата обращения: 12.09.2022).

Евгеньева А. П. (1999) *Словарь русского языка*: в 4-х т. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы. Т. 1. С. 203; Т. 2. С. 309.

Звягинцев И. (2022) «Железная леди» 3.0. Получится ли у Элизабет Трасс железной рукой навести порядок в Британии? *Amic.ru* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amic.ru/news/politika/zheleznaya-ledi-3-0-poluchitsya-li-u-elizabet-trass-zheleznoy-rukoy-navesti-poryadok-v-britanii> (дата обращения: 10.09.2022).

Какое место занимает сегодня женщина в политике и бизнесе России? (2006). *Известия* [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/311751> (дата обращения: 08.09.2022).

Лаблин Д. (2018). Почему женщинам-руководителям нельзя ошибаться. *Ведомости* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/11/12/786224-zhenschinam-rukovoditelyam> (дата обращения: 12.09.2022).

Мельман А. (2017). Правила жизни Марии Захаровой: «Никогда не сомневаются только подлецы». *Московский комсомолец* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2017/03/24/pravila-zhizni-marii-zakharovoy-ne-somnevayutsya-tolko-podlecy.html> (дата обращения: 10.09.2022).

Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. (2017). *Большой универсальный словарь русского языка*. М.: Словари XXI века.

Рассади́на Т. А., Агеева А. А. (2012). Динамика образа современной женщины: дискурсы глянцевого журнала и общественного мнения. *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки*. №3 (23). С. 91–102.

Сапрыгина Ю. (2021). Как женщине стать лидером. *Парламентская газета* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/kak-zhenshhine-stat-liderom.html> (дата обращения: 07.09.2022).

Скончалась «железная леди» Маргарет Тэтчер. (2013). *Forbes* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/news/237019-skonchalas-margaret-tetcher> (дата обращения: 12.09.2022).

Рутов И. (2017). Самые сексапильные женщины в мировой политике. *Topnews* [Электронный ресурс]. URL: https://www.topnews.ru/photo_id_11529_7.html (дата обращения: 12.09.2022).

Черникова Н. В. (2015). Женщина: лексикографический портрет. *Русская речь*. № 3. С. 61–67.

Шипачева Д., Михантьева М. (2022) Кризис – время женщин: почему женщины эффективнее решают ежедневные проблемы. *Forbes Woman* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/460907-krizis-vrema-zensin-pocemu-zensiny-effektivnee-resaut-ezednevnye-problemy> (дата обращения: 07.09.2022).

СОПРИСУТВИЕ И КОММУНИКАЦИЯ В КИБЕРПЕРФОРМАНСЕ

М.А. Кобринец

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г.Москва
maria.kobrinets@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

Киберперформанс как специфический жанр нет-арта и, соответственно, цифрового искусства успел получить в зарубежных исследованиях множество имен: «киберперформанс» [Causey, 2006; Paragiannouli, 2016], «киберформанс» [Jamieson, 2008], «цифровой перформанс» [Dixon, 2007], «гиперперформанс» [Unterman, 2007] и др. Подчеркивая связь перформанса с театральными искусствами, исследователи также обращаются к таким терминам как «виртуальный театр», «кибертеатр» и «кибердрама».

Несмотря на широкий спектр теорий, анализирующих различные аспекты киберперформанса, локализовать его в классификации цифрового искусства достаточно просто: примыкая к направлению нет-арта, он представляет собой форму цифрового перформанса и разновидность медиаперформанса. Интернет, виртуальная реальность, онлайн-технологии одновременно задействованы в нем как медиа и как пространство действия или опыта (зачастую совместного). На первый взгляд, цифровизация перформанса расширяет его возможности: например, стриминг существенно увеличивает количество возможных участников (с большей степенью интерактивности, чем при обычной видеотрансляции), преодолеваются географические границы и т.д. С другой стороны, по мнению Э. Фишер-Лихте, важное условие перформанса как такового заключается именно в физическом сопresутствии участников: оно способно обеспечить обмен ролями (актер и зритель), породить временное сообщество участников и установить между ними физический контакт [Фишер-Лихте, 2016, с.125]. Для исследовательницы опыт перформанса напрямую не связан с коммуникацией как процессом передачи некоторого зашифрованного сообщения, поэтому приоритетной является уже не интерпретация со стороны статичного, чуть отстраненного зрителя, а непосредственное взаимодействие и вовлеченность участника. «Интенсивное присутствие», «интенсивный модус "сиюминутности"», специфический опыт, далекий от повседневности (который часто сложно сформулировать и описать) – по мнению исследовательницы, именно это становится основным достижением перформанса. В таком контексте уже не столь важно, что перформанс может «означать», ведь он в первую очередь является «перформативным», «автореферентным» искусством. Однако подобное допущение о том, что

коммуникация как передача сообщений не может быть истолкована как определяющий элемент перформанса, на наш взгляд, все же не мешает рассматривать ее как важный и порой неизбежный его аспект. Коммуникацию не следует отделять от общей совокупности опыта, а при продвижении тех или иных политических идей арсенал перформанса и сетевого искусства способен повысить степень вовлеченности в коммуникацию и ценность самого сообщения, «чувствительность» к нему (как например в политическом киберперформансе и *хактивизме*).

С появлением киберперформанса на смену физическому сопresутствию приходит виртуальное, что и составляет сущностное различие между «классическим» и «цифровым» перформансом – но в чем же оно в действительности заключается? Вопрос о сопresутствии в киберперформансе сопровождается рядом вызовов: насколько сопresутствие виртуальных тел может быть интенсивным? Можно ли вообще говорить о «телах», а не проекциях, «аватарах» и т.д.? Наряду с расширенными возможностями киберперформанса могут ли интернет-технологии, позволяющие говорить о новых дополнительных идентичностях пользователя и «масках», рассматриваться как своеобразные препятствия? Один из возможных ответов связан с феноменом *virtual touch*, упоминание которого мы встречаем у С. Диксона – момент подлинного контакта между перформером и участниками в виртуальном пространстве. Современный киберперформанс верит в возможность подобной ситуации: он может по-разному ее определять, но предполагается сама принципиальная возможность «интимности», которая становится условием нетипичного нового опыта *virtual touch* – не менее глубокого, нежели опыт нецифрового перформанса. В акции Алены Агаджиковой «Узнай своё будущее онлайн. Бесплатно, 2017» художница, не скрывая этого, своими действиями имитировала сетевую программу по предсказанию будущего. Люди могли задавать порой очень личные, по-настоящему волнующие их вопросы. Виртуальное пространство с его «масками» (профилем пользователя) становится особой зоной комфорта и защищенности: эти вопросы участников могли бы навсегда остаться невысказанными, не сформулированными даже для них самих в повседневности, когда чаще всего говорить приходится «от своего имени». Х.В. Джеймисон, характеризуя киберперформанс («киберформанс») и перечисляя его сущностные черты, упоминает «прозрачность» (*transparent*): «он не претендует на то, чтобы быть реальным», не имитирует реальность [Jamieson, 2008, p. 38]. На наш взгляд, эта установка способна быть весьма продуктивной – ощущение перехода от привычной реальности к виртуальности (как к реальности нового типа, не менее «реальной») способно трансформировать механизмы восприятия участника и привычные ему алгоритмы действий и суждений, в некоторой степени освобождать от них. В киберпространстве, таким образом, кажется возможным новое «соприсутствие» и не менее, а может быть, и более интенсивный опыт.

Литература

- Фишер-Лихте, Э. (2015). *Эстетика перформативности*. Москва. Play&Play, Канон+.
- Casey, M. (2006). *Theatre and Performance in Digital Culture: From Simulation to Embeddedness*. London and New York. Routledge.
- Dixon, S. (2007). *Digital Performance: A History of New Media in Theater, Dance, Performance Art, and Installation*. Cambridge, MA and London. MIT Press.
- Jamieson, H. V. (2008). *Adventures in Cyberformance: Experiments at the Interface of Theatre and the Internet*. Unpublished Master of Arts (Research) Thesis. Australia: Queensland University of Technology. *Creative Catalyst* [Электронный ресурс]. URL: <http://creative-catalyst.com/thesis.html> (дата обращения 01.09.2022).
- Papagiannouli, C. (2016). *Political Cyberperformance: the Etheatre Project Basingstoke*; New York: Palgrave Macmillan, 2016.
- Unterman, B. (2007). The audience in cyberspace: the lessons of hyperformance. Paper presented at the Intermediality, Theatricality, Performance, (Re)-presentation and the New Media Conference, *Ninth International Conference of CRI and LANTISS*, Montreal, Quebec, Canada, 25–29 May [Электронный ресурс]. URL: http://cri.histart.umontreal.ca/cri/fr/cdoc/fiche_activite.asp?id=1816 (дата обращения 01.09.2022).

ПОНЯТИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И СЛОЖНОСТИ ЕЕ ЭКСПЛИКАЦИИ

А.Ю. Косенков

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск
sanya.kosenkov.94@mail.ru

Понятие виртуальной реальности находится в центре внимания философских исследований, что обусловлено, в первую очередь, процессами компьютеризации и их последствиями. Вместе с тем, «биография» виртуальной реальности как смысловой единицы во многом характеризует принципы формирования ключевых элементов понятийно-категориальной системы философии в условиях интенсивно меняющейся социально-технологической действительности.

Понятие виртуальной реальности появилось в техническом дискурсе. По наиболее распространенной версии оно было впервые употреблено в 1984 г. Д. Ланье, создателем фирмы «VRL Research», в которой разрабатывались системы, имитирующие реальные процессы посредством компьютера.

Вместе с тем представление о виртуальной реальности как о реальности, порождаемой компьютером, параллельно формировалось в лоне фантастики: в произведениях А. Хайнлайна «Уолдо», Р. Брэдли «Вельд», У. Гибсона «Нейромант» и несколько позже, на рубеже столетий, в серии фильмов «Матрица». Так, понятие киберпространства впервые появилось в книге Гибсона «Нейромант» (1984 г.). «Киберпространство – это согласованная галлюцинация, – писал автор, – которую каждый день испытывают миллиарды обычных операторов во всем мире <...> Это графическое представление банков данных, хранящееся в общемировой сети компьютеров» [цит. по: Кирик, 2004, с. 22]. Есть основания полагать, что подобный образ способствовал дальнейшему определению порождаемого Интернетом пространства как виртуальной реальности. Заметим, что обсуждаемый в последнее время проект Метавселенной также имеет литературные истоки: он фигурировал в книге Н. Стивенсона «Лавина» (1992 г.).

Однако важно понимать, что виртуальные технологии не создавались исключительно для специалистов: разработчики приложили немало усилий для их продвижения в массы, как это произошло в случае с Интернетом. Рядовые же пользователи, по верному замечанию М. Кастельса, стали главными творцами виртуального пространства, приспособивая его «к своим собственным нуждам и системе ценностей» [Кастельс, 2004, с. 44]. Это нашло выражение, в том числе, в специфическом языке его описания, представленным широким спектром метафор («страница», «закладка», «паутина» и пр.), а также онтологических, социально-философских,

технических смысловых единиц («реальность», «пространство», «сообщество», «интерфейс» и пр.).

Таким образом, смысловые контуры понятия виртуальной реальности формировались на пересечении технического, фантастического и пользовательского (потребительского) дискурсов. Сложность экспликации понятия во многом и обусловлена тем, что за его концептуальным становлением в других дискурсах последовала философская рефлексия, попытка соотнесения категорий с языковыми единицами, описывающих новоявленные сущности (оказалось важным ответить, в частности, на вопрос, является ли виртуальная реальность в философском смысле).

Философская рефлексия виртуальной реальности, при этом, также имеет различные траектории. Так, философы в ходе ее концептуализации обращаются к текстам прошлого, обнаруживая корни понятия в работах Цицерона, Фомы Аквинского, Н. Кузанского и ставя, таким образом, под сомнение новизну виртуального. Правда, установить смысловую преемственность оказывается непросто: на предыдущих этапах истории виртуальное использовалось не в техническом, а в этическом (как добродетель) и онтологическом (как возможность) значении.

Кроме того, многие мыслители относят к виртуальным психологические (сон, галлюцинация), технические (телевидение), художественные (литературный текст), социальные (игра) и другие объекты и явления. Такие ходы мысли обусловлены логикой научных и философских поисков: исследователи фиксируют определенную систему свойств, присущую, как они считают, виртуальным сущностям, и в дальнейшем включают в данное понятие те или иные объекты универсума. При этом диапазон включаемых сущностей у мыслителей варьируется, что позволяет выделить технический, психологический, эстетический, социально-культурный и другие подходы к виртуальной реальности. Представитель последнего, Д. В. Иванов, например, полагает, что виртуализация является процессом замещения институализированных практик симуляциями, не всегда посредством компьютерной техники, но «обязательно с применением логики виртуальной реальности» [Иванов, 2002, с. 30].

Некоторые исследователи в своих теоретических построениях идут еще дальше. Приверженцы онтологического подхода (О. Е. Баксанский, С.А. Борчиков, И. Г. Корсунцев и др.) считают, что абсолютно вся действительность является виртуальной: универсум всегда мыслим индивидом, а виртуальные реальности «состоят из образов, смыслов, имиджей, знаков и норм, эмоций и иных превращенных виртуальных конструкций» [цит. по: Кирик, 2004, с. 27]. Примером такого понимания виртуального может служить концепция тоннеля эго Т. Метцингера, согласно которой сознание – это своего рода техническое средство, способствующее восприятию и познанию мира. Сознание, таким образом, формирует виртуальную реальность, воспринимаемую как действительность [Метцингер, 2017].

Наиболее популярным в философии, вместе с тем, стал технический подход к виртуальной реальности (А. В. Воронов, Д. Гамильтон, С. Дацюк, Д. Ланье, Ф. Хэммит и др.) представители которого, продолжая начинания разработчиков и фантастов, понимают ее как реальность, порождаемую компьютерной техникой. Но и в пределах этого подхода есть заметные расхождения. Многие авторы, в частности, определяют виртуальную реальность как технологию, посредством которой достигается «изоляция оператора от внешнего мира, т. е. перекрыты все каналы тактильной, слуховой, зрительной и любой иной связи с окружающим пространством» [Воронов, 1999, с. 10]. Однако коммуникация в социальных сетях также рассматривается как виртуальная, хотя и не всегда подразумевают какого-либо глубокого погружения. Испытывают на прочность представителей подхода и новые тренды компьютеризации: технологию дополненной реальности, функционирующую посредством «наслоения» цифровых элементов на физическое пространство, одни авторы относят к виртуальным, а другие – ограничивают от технологий, которые погружают индивида.

Представленные выше перипетии концептуализации виртуальной реальности позволяют сделать ряд выводов. В первую очередь следует заметить, что программисты и инженеры определяют не только облик материально-предметного мира, но и вносят существенные коррективы в мировоззрение индивида. Современные понятийно-категориальные системы представлены единицами, смысловые контуры которых формируются в том числе в техническом дискурсе (кроме виртуальной реальности к таковым можно отнести понятие искусственного интеллекта и с некоторыми допущениями понятие информации). Философия часто следует за технологическими трендами и полетами фантазий писателей, отнюдь не всегда оказывая обратного идейного влияния на новаторов и оставаясь в стороне от технологических процессов современности и их «коллективной рефлексии». Кроме того, философы создают собственное рефлексивное пространство, полное различных (зачастую противоречивых) смысловых пластов новоявленных понятий. Автор работы не склонен считать сложившуюся ситуацию безнадежной, но полагает, что совершенствование форм взаимодействия между представителями различных дискурсов, повышение роли философии в подготовке технического специалиста, более пристальное внимание гуманитариев к миру технологий в совокупности с другими мерами способны принести намного больше плодов как теоретикам, так и практикам.

Литература

- Кирик, Т. А. (2004). *Виртуальная реальность: сущность, критерии, типология. дисс. канд. филос. наук.* Омск. 165 с.
- Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе.* Екатеринбург. У-Фактория.

- Иванов, Д. В. (2002). *Виртуализация общества*. Версия 2.0. СПб. «Петербургское Востоковедение».
- Метцингер, Т. (2017). *Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель Эго*. М.: Изд-во АСТ.
- Воронов, А. И. (1999). *Философский анализ понятия «виртуальная реальность»*. дисс. канд. филос. наук. СПб., 1999. 197 с.

ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЙ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР И ЕГО ВАРИАТИВНОСТЬ В НЕМЕЦКИХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Д.Д. Кучина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
dariakutschina@yandex.by

Комментарии – это тексты, выражающие определённую позицию их составителей – журналистов, – которые классифицируют и оценивают событие или социальную проблему, и ставят своей целью инициировать ответные реакции у адресатов, отмечают Хармут Ленк и Марьо Весалайнен [Lenk, Vesalainen, 2012, s. 9].

Вышеуказанное определение требует как более подробного объяснения содержащихся в нём характеристик, так и их дополнения. Ограничение определения комментария текстами, написанными журналистами соответствующего цифрового издания, отличает понимаемый таким образом комментарий от комментариев обычных пользователей или сообщений экспертов (таких как ученые, политики и т. д.). Основой для этого ограничения является упомянутое предположение о том, что журналисты, как профессионально опытные авторы медиа-текстов, лучше знакомы с соответствующими правилами оформления и успешными коммуникативными стратегиями, чем упомянутые авторы.

В русскоязычных словарях С.И. Ожегова «Толковый словарь русского языка» и Т.Ф. Ефремовой «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» можно найти следующие толкования термина «комментарий»:

1. Объяснение или толкование к какому-либо тексту [Ефремова, 2000];
2. Рассуждения, пояснения и критические замечания о чём-либо [Ожегов, 1972].

Тексты комментариев могут относиться как к текущим событиям, так и к тем, которые произошли в недавнем прошлом, общественным явлениям или процессам, экономическим и/или политическим событиям. Кроме того, они также представляют интерес для общественности и являются социально релевантными.

Часто речь идёт о внутренних и внешних, экономических, финансовых, культурных, семейных, социальных, спортивных, научных, политических вопросах. Этот аспект отличает комментарии от колонок, которые также могут быть написаны журналистами соответствующей среды, обычно также формально, а иногда и с личным намерением, но часто в центре внимания находятся вопросы более общего характера, а также особенности повседневной жизни или человеческого поведения. Но это другой тип текста, который даёт авторам ещё больше свободного пространства с точки зрения текстовой структуры и языкового оформления, чем комментарий.

Согласно мнению Хельмута Люгера [Lüger, 1995, p. 61], тексты комментариев обычно имеют аргументативную текстовую структуру. Они часто начинаются с ориентации на основной факт и содержат аргументированное ядро, а также (необязательно) представление и опровержение противоположной позиции. Аргументы относятся к трём областям знания: сущее или *das Seiende*, то, что должно быть или *das Sein-Sollende*, доброе и прекрасное или *das Gute und das Schöne* [Eggs, 2000]. Соответственно различают эпистемический аргумент, подтверждающий или отрицающий конкретный факт, деонтический аргумент, рекомендующий или предполагающий определённые действия, и этический или эстетический аргументы соответственно. К эстетическим аргументам относятся ценностные суждения, такие как: хорошее/плохое, красивое/уродливое и.т.д. Вернер Новаг и Эдмунд Шаловски [Nowag, Schalkowski, 1998] различают объяснительный и осуждающий комментарии. Оба типа комментариев являются конечными точками виртуальной шкалы проверяемости содержащихся суждений. На эти основные типы указывает и Манфред Штеде [Stede, 2007]:

«Alle [...] Argumentationen haben gemeinsam, dass die Autorin die Einstellung der Leser beeinflussen möchte; im schwierigsten Fall soll ein Leser nach der Lektüre etwas glauben, was er zuvor nicht geglaubt hat oder von dessen Gegenteil er gar überzeugt war. Dies unterscheidet das Argumentieren vom Erklären, bei dem der Leser etwas verstehen soll, was er bislang nicht verstanden hat (Warum ist X der Fall? Zu welchem Zweck handelt X in dieser Weise?) – wobei dieses X aber eben nicht ‚strittig‘ ist, d. h. es geht nicht um „für oder gegen X“, sondern allein um „warum / wozu X“»¹ [Stede, 2007].

Из этой дифференциации и ее объяснения можно сделать вывод, что только аргументационные или оценочные комментарии носят убедительный характер. Разница между фактами или утверждениями, объясняющими что-либо реципиентам, и аргументами за или против спорного вопроса в основном основана на предположениях авторов текста о предварительных знаниях читателей. Кроме того, объяснение должно быть сделано таким образом, чтобы оно казалось адресатам максимально правдоподобным.

1 «Все [...] обоснования имеют общую черту, которая состоит в том, что автор хочет повлиять на убеждения читателей в отношении определённых вопросов; в самом сложном случае читатель должен после прочтения поверить в то, во что он раньше не верил или в противоположность того, в чём раньше был убеждён. Это отличает аргументацию от объяснения, в котором читатель должен понять то, чего он до сих пор не понимал (почему это так? С какой целью X действует таким образом?) – но этот X не является "спорным", то есть речь идёт не о "за или против X", а только о "почему / зачем X"».

Комментарии, как и тексты СМИ в целом, предназначены для дисперсной и разнородной аудитории. Комментаторы не могут полагаться на авторитетные предпосылки и преимущества в знаниях так же, как преподаватели в институционально закреплённых образовательных ситуациях. Только в эпоху Интернета разъяснительная информация (соответствующие аргументы) подвергается постоянной проверке читателями.

Согласно наблюдениям Т. И. Стексовой [Стексова, 2014] комментарий подразделяется на несколько видов, характеризующихся отличными друг от друга содержательными параметрами. Их вариация во многом зависит от технических обусловленных возможностей интернет-сервисов, на которых осуществляется коммуникация, а также от коммуникативных целей, преследуемых как адресантами, так и адресатами, чьи роли, как например, на платформе Twitter, могут меняться. Далее приводится таблица, с характерными речевыми признаками, присущими каждому виду, выделяемых исследовательницей комментариев.

	Научный комментарий	Комментарий-примечание	Комментарий в СМИ	Аналитический комментарий	Протестный комментарий	Интернет-комментарий
Коммуникативная цель	Информативно-просветительская	Информативная, выравнивание фоновых знаний	Информативная	Воздействующая	Воздействующая	Оценочно-императивная
Образ автора	Ученый, специалист в определенной области знаний	Осведомленный специалист	Обладающий информацией	Журналист, общественный или политический деятель	Журналист, общественный или политический деятель, оппозиционер	Любой пользователь интернета
Образ адресата	Заинтересованный, изучающий данную проблему	Заинтересованный в получении информации	Широкий круг читателей	Заинтересованный читатель	Читатели-единомысленники	Другие пользователи интернета
Коммуникативное прошлое	Реакция на текст	Реакция на отдельную лексему.	Реакция на запрос информации.	Реакция на текст или событие	Реакция на текст или событие	Реакция на текст
Коммуникативное будущее	Не предполагает дальнейшей коммуникации, хотя может быть стимулом для другого текста	Не предполагает дальнейшей коммуникации	Не предполагает дальнейшей коммуникации	Не предполагает дальнейшей коммуникации, хотя может быть стимулом для другого текста	Предполагает возможное обсуждение	Ориентирован на дальнейшую коммуникацию
Языковое воплощение	Научный стиль	Научный или научно-популярный стиль	Публицистический стиль	Публицистический стиль в форме рассуждения	Публицистический стиль в форме рассуждения с обильным включением разговорных элементов	Разговорно-бытовой стиль с использованием просторечья и ненормативной лексики, повышенная эмоциональность и экспрессивность

Таблица 1. Речевыми признаками образующими комментарии по Т.И. Стексовой [Стексова, 2014].

Содержание текстов интернет-комментария вариативно, как правило, обусловлено ситуациями, обладающими определённой общественной ценностью. Если рассматривать комментарии к публикациям относительно недавно основанной немецкой партии «Alternative für Deutschland» «Альтернатива для Германии» в микроблоге «Twitter» (4.03.2022 в РФ

ограничен доступ к ресурсу twitter.com на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля, дата обращения автора тезисов к материалу ресурса относится к периоду до даты блокировки), то можно выявить общую тенденцию к выражению субъективной оценки действий вышеназванной политической партии. Комментарии в «Twitter» эмоциональны, отличаются экспрессивностью, преобладает разговорный стиль речи, с использованием просторечья и лексических средств с пейоративной семантикой. Комментарии могут являться откликом как на первичный текст (публикация), так и на вторичный (комментарии других пользователей), тем самым образуя дискурсивное пространство с выраженной диалогичностью. Если посмотреть на данный жанр с точки зрения определений Люгера, Новага и Шаловски, становится очевидно, что в комментариях к публикациям партии «Альтернатива для Германии» наличествует преимущественно деонтический и этический аргументы, что выражается в комментариях осуждения.

Так, нами был сделан анализ структурно-семантических и стилистико-языковых параметров немецкоязычного интернет-комментария. Помимо этого, были проанализированы различные точки зрения не только отечественных лингвистов в определении термина «комментарий», в отношении которого до сих пор нет единого мнения, но и немецкоязычных учёных, что может открыть новые перспективы в исследовании «интернет-комментариев» в немецкоязычном пространстве.

Литература

Ефремова, Т.Ф. (2000). «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный». URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-36860.htm>, дата обращения: 12.09.2022.

Ожегов, С.И. (1972). «Толковый словарь русского языка». URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-12616.htm>, дата обращения: 12.09.2022.

Стексова, Т.И. (2014). Комментарий как речевой жанр и его вариативность. *Жанры речи*. № 1-2 (9-10). С. 81-88.

Eggs E. (2000). Vertextungsmuster Argumentation: Logische Grundlagen. In: BRINKER, KLAUS u. a. (Hrsg.): Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, 397–414.

Herring, S.C. (2007). Computer-Mediated Discourse / S.C. Herring // Schiffrin, D. The Handbook of Discourse Analysis (Blackwell Handbooks in Linguistics), P. 215.

Lenk, H., Vesalainen, M. (2012). Der Kommentar als persuasiver Text. Vergleichende Untersuchungen zu einer meinungsbetonten Textsorte in europäischen Massenkommunikationsmedien. URL: https://www.researchgate.net/publication/343135253_Der_Kommentar_als_persuasiver_Text_Vergleichende_Untersuchungen_zu_einer_meinungsbetonten_Textsorte_in_europaischen_Massenkommunikationsmedien, дата обращения: 12.09.2022.

Lüger H. (1995). Pressesprache. Tübingen: Niemeyer, S. 61.

Nowag W., Schalkowski E. (1998). Kommentar und Glosse. Konstanz.
Stede M. (2007). Korpusgestützte Textanalyse. Grundzüge der
Ebenenorientierten Textlinguistik. Tübingen.

НАРРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

М.А. Мартынова

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва
mariia.martynof@gmail.com

Вопрос о статусе человека в мире био-технологических инноваций обусловлен философской интенцией к образованию онтологии виртуальности как частного случая постнеклассических онтологий, основной принцип которых, согласно В. В. Афанасьевой и Н. С. Анисимову, заключается в том, что «мир изменчив, сложен и множественен: нелинеен, хаотичен, фрактален, полионтичен – но един в своей изменчивости, сложности и множественности» [Анисимов, Афанасьева, 2015, с.30]. Отказ от категориальной дихотомии влечет за собой необходимость пересмотра субъектности, идентичности и признаков «человеческого» как в привычном пространстве «реальности», так и в виртуальном мире.

Прежде всего, стоит сказать о методологии: поскольку феномен самоидентичности в цифровом мире находится на стыке нескольких гуманитарных направлений – помимо философии, эта проблема встречается в психологических, социальных и культурных исследованиях – подходы к ее разработке достаточно эклектичны. Однако ключевые аспекты проблематики во многом определяют выбор инструментов анализа: факт именованности и референции требует логико-семантических методов, процесс конструирования образа – семиотических и герменевтических, идентичность – онтологической концептуализации.

В российских исследованиях за последние пятнадцать лет прослеживается единодушие относительно положения человека в виртуальном пространстве: дивидуум, гибрид, Homo digitalis или цифровой двойник – понятийные категории сводятся к тезису о расколотости личности, подчеркивая проблему идентичности и самоидентичности. Е. О. Труфанова отмечает, что сейчас, «говоря о человеке, мы должны учитывать не только его биологическую природу и внутренний мир, но и его цифровые «расширения» [Труфанова, 2021, с.31].

Не менее важный для понимания структуры виртуальной личности тезис берет начало в двух пунктах теории Г. Фреге: во-первых, имена соответствуют не идеям, а объектам, и во-вторых, имя собственное может формироваться из группы слов/знаков. Но, к сожалению, для анализа виртуального «я» мы не можем полностью принять классическую теорию референции, в которой имя приравнивается к дескрипции: корректнее будет сказать, что цифровой образ, наоборот, полностью сконструирован жесткими десигнаторами, и практически лишен всех свойств, кроме одного – быть субъектом. Ряд исследователей – например, Ж. Симондон – отмечают бессилие классической логики в вопросах, касающихся становления индивидуальности, поскольку теория референции «вынуждает нас

рассматривать процесс индивидуации, используя понятия и их взаимосвязи, которые применимы только к результатам индивидуации» [Simondon, 1992], в то время как, например, концепция нарративной идентичности позволяет нам выявить не только конечный факт виртуальной индивидуации, но и его структуру.

Проблема идентифицирующей референции без референта (ситуация, в которой «я» не в состоянии заполнить логическую пропасть между личностью и наименованным социальным конструктом), усугубляется известной интернет-практикой «это имя уже занято», создающей дополнительные рамки для корректного отображения реального «я» в виртуальной среде. Философ Поль Рикер называет «несовпадение между «я» как пределом мира и именем собственным, обозначающим реальную личность» [Рикер, 2008, с.73] апорией привязки, которую способно преодолеть только сочетание идентифицирующей референции с рефлексивностью высказывания.

Уместность герменевтики «я» в отношении Homo digitalis подтверждает феномен аутодиалога, в процессе которого «автор становится своим собственным читателем» [Голубинская, 2017]. Поскольку в дигитальном пространстве личность во многом конструируется знаковым рядом (лента в соцсетях как история о себе) и цифровыми следами, идентичность, дающая человеку возможность «обозначить себя как автора своих слов и действий» [Ricoeur, 1995, p.77], приобретает ведущее значение в сравнении с телесной самоидентичностью. Герменевтика «я», рассматривающая индивидуацию как опосредование «символических ресурсов культуры» [Тета, 2012, с.105], допускает альтернативную форму референции, «несводимую к тому, что имеет место» [там же].

Виртуальная личность, приравненная в пространстве интернет-дискурса к знаку, также отвечает лингвистической теории Э. Бенвениста, согласно которой не только имя, но и любой коммуникационный акт является автореферентным, поскольку за высказыванием неизбежно стоит авторство или, переформулируя, субъективность. Однако полностью отождествлять феномен субъективности и автореферентности было бы некорректно: несмотря на совпадения, это скорее пересекающиеся процессы. Тем не менее, говорение о себе становится в виртуальном мире способом самоидентификации, обнаружения личностных черт посредством конструирования цифрового двойника. Например, аккаунт в социальной сети можно рассматривать и как фрагмент некоего оффлайн-целого, и как метаидентичность – возвращение к себе.

Заключительным этапом в формировании личности у Рикера становится признание – как самопризнание в форме ответственности, так и признание меня другими – что актуализирует аспект «заботы», свойственный герменевтике «я» в целом. Поскольку полная идентификация возможна только в единстве (само)идентичности, (само)признания и (само)уважения, интернет-дискурс – в особенности блог или канал – можно характеризовать

как акт рассказывания, связывающий идентичность истории и персонажа (цифрового двойника) с личной идентичностью автора. Хотя «я» «благодаря иллюкутивной силе конкретного акта дискурса, акта называния – буквально вписывается в публичный список имен собственных» [Рикер, 2008, с.75], полнота идентичности может быть достигнута только в условиях социальности и intersубъективности, которые в виртуальном пространстве реализованы соцсетями и присущими им свободой, эгалитарностью и инклюзивностью.

Подводя итоги, отметим, что концепт личности как устойчивая категория распадается в метаверсе на перечень операций, конструирующих социально-коммуникативную единицу, по привычке воспринимаемую пользователями как нечто, поддающееся стандартной идентификации. Из «видового качества» идентичность человека превращается в бесконечный процесс переупорядочивания объектов, а множественный нейминг завершает путь становления самоидентичности в качестве формы «информационного кодирования». Вопрос о содержании и инструментах индивидуальности в виртуальном пространстве, взятый в лингвистической и герменевтической оптике, на наш взгляд, имеет как перспективы исследования, так и потенциал к теоретизированию. Однако за ним стоит другая, более глобальная проблема – онтологический статус субъекта в цифровую эпоху.

Литература

Афанасьева, В. В., Анисимов, Н. С. (2015). Постнеклассическая онтология. *Вопросы философии*. № 8.

Голубинская, А. В. (2017). От индивидуума к дивидууму: к вопросу о множественных идентичностях в виртуально-информационной среде. *Studia Humanitatis*. №2. ISSN 2308-8079.

Рикер, П. (2008). *Я-сам как другой*. М. Изд-во гуманитарной литературы.

Тета, Ж.-М. (2012). Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикера. *Социологическое обозрение*. Т. 11. № 2.

Труфанова, Е. О. (2021). Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. Вып. 3. С. 370–375. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-370-375.

Фреге, Г. (1997). *Смысл и значение*. М. Дом интеллектуальной книги.

Ricœur, P. (1995). *Reflexion fait. Autobiographie intellectuelle*. Paris.

Simondon, G. (1992). *The Genesis of the Individual* [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc316883630_493024641 (дата обращения: 18.09.2022)

ЛОГИКО-РИТОРИЧЕСКИЙ СТАТУС АНАЛОГИИ В ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

А.О. Медведев

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва
medlexey@gmail.com

Традиционно в теории аргументации принято выделять логическое и риторическое начала [Зайцев, 2022, с.17–18]. Логическое начало призвано обосновать легитимность формы аргументативных высказываний с точки зрения законов логики, например, проверить правильность вывода в умозаключении через обращение к формальной составляющей связи посылок и заключений; риторическое начало направлено на достижение эффективности аргументов в прагматическом разрезе. Таким образом, логика отвечает за корректность аргументов, а риторика – за их убедительность. Существенность различий логического и риторического ярко иллюстрируется распространёнными ситуациями, в которых сильные и логически валидные аргументы не были восприняты аудиторией или оппонентами, а красиво озвученные *ad hominem* или апеллирующие к эмоциям высказывания встречались овациями.

На стыке логического и риторического находится практика использования приёма аналогии в дискуссии. С одной стороны, желание привести аналогию в качестве составной части аргумента может быть продиктовано логикой, ведь форма аналогии может быть близка или даже идентична форме объекта, вокруг которого ведётся спор. С другой стороны, принципиальным является отсутствие тождества между объектом дискуссии и аналогии. Общую схему аналогии весьма удачно описала Т. Н. Савчук: *«Если между А и В имеет место отношение подобия, при этом объект А обладает признаками а, b, с, d, объект В обладает признаками а, b, с, то, вероятно, объект В обладает признаком d»* [Савчук, 2018, с.47]. Л.А. Котельникова и Г. И. Рузавин справедливо отмечают, что рассуждение по аналогии, будучи разновидностью эвристического рассуждения, предоставляет нам не достоверно истинное, но исключительно вероятное заключение [Котельникова, Рузавин, 2001, с. 13]. В то же время нам важно не упускать из виду тот факт, что аналогия в дискуссии часто приводится для опровержения различных тезисов.

В специальной литературе мы редко встречаем указание на несостоятельность приёма аналогии в качестве составной части аргумента, однако в публичных дискуссиях довольно частым явлением оказываются указания на «логическую ошибку» «ложная аналогия» и критические замечания по типу «аналогия не является аргументом» или «вы мыслите по аналогии, это неправильно». На деле замечания такого рода исходят из непонимания сущности аргумента и выражают не столько указание на «логическую ошибку» в аргументации оппонента, сколько нежелание одного

из участников дискуссии опровергать сказанное. Прикрываясь принципом «То, что принято (или выдвинуто) без доказательств, может быть отвергнуто без доказательств», участники дискуссии забывают о том, что само по себе указание на ошибку в последовательности рассуждения также не может выступать опровержением сказанного; правильной стратегией в вопросе «возражения на ошибку» будет демонстрация несостоятельности сказанного. Примечательно, что крайне эффективным средством в процессе этой демонстрации окажется именно аналогия. Например, наш собеседник говорит: «Моя жена вчера не смогла правильно сложить два и три – у неё получилось шесть. Какие женщины всё-таки глупые!». В данной ситуации банальное указание на «сверхобобщение» может быть воспринято как пустое бездоказательное возражение, куда эффективнее не ограничиваться простым «Ты обобщаешь», а возразить: «Это некорректное обобщение. Если один солдат не встал по команде "Подъём", это не означает, что все солдаты недисциплинированные». Таким образом мы обнаруживаем важную функцию аналогии в сфере аргументации – эффективный инструмент демонстрации несостоятельности логики рассуждения. В то же время важно не упускать из виду тот факт, что сама по себе аналогия не может быть аргументом, однако она успешно выступает в качестве составной его части.

Особенно интересными являются случаи этических споров с общим или конкретным предметом, например дискуссии о справедливости политических решений или о моральном статусе аборт: в этических спорах людям чаще важнее выявить противоречие в позиции оппонента, тем самым показав её несостоятельность, нежели доказать, что какое-либо действие является объективно аморальным или наоборот [Максимов, 2005, с.48 – 49]. Именно в сфере этических дискуссий мы можем отметить полезную для практики спора функцию приёма аналогии. Например, став свидетелем дискуссии об абортах, часто можно столкнуться с аргументом Джудит Дхарвис Томсон, согласно которому у ребёнка нет права пользоваться телом матери при наличии у неё выбора предоставить своё тело ребёнку [Томсон, 2017, с.138] – иллюстрацией может выступить пример с зачатием в случае изнасилования. В то же время в качестве возражения мы можем услышать приведённую аналогию с добровольным зачатием, за которой следует вопрос: в чём принципиальная разница этих ситуаций? Таким образом, приведение аналогии в споре помогает выявить основание, делающее ту или иную этическую позицию легитимной или, наоборот, противоречивой. Выявление данного основания, будь то правомерность закрепления за зиготой статуса человека, легитимность употребления термина «убийство» и проч. поможет субъектам спора найти главный тезис дискуссии, обсуждение которого следует сделать первоочередной задачей для построения продуктивного спора. Полезность этой стратегии ярко демонстрирует метод майевтики Сократа, благодаря которому знаменитый древнегреческий философ на страницах произведений Платона выявлял противоречия в позициях оппонентов и, тем самым, приводил их к более «правильным»

определениям, например, когда в вопросе о добродетели Сократ пытался объяснить Менону суть различия частного и общего через аналогию с геометрическими фигурами [Платон, 2022, с. 674 – 683].

Таким образом мы выясняем, что аналогия хоть и не является аргументом сама по себе, но, во-первых, может выступать отличным средством демонстрации несостоятельности некоторых тезисов, во-вторых, в качестве инструмента указания на противоречие в позиции и, в-третьих, как средство обнаружения принципиального для дискуссии основания – меньшего, нежели исходный предмет спора, но более значимого для начала успешного развития дискуссии.

Литература

- Зайцев, Д. В. (2022). Теория и практика аргументации. М. ИНФРА-М.
- Котельникова Л.А., Рузавин Г.И. (2001) Системный подход к процессу убеждения и аргументации. И.А. Герасимова (ред.). Теория и практика аргументации. М. ИФ РАН.
- Максимов Л.В. (2005). Квазиобъективность моральных ценностей. Этическая мысль. Выпуск 6. М. ИФ РАН.
- Платон (2022) Менон // Полное собрание сочинений в одном томе. М. АЛЬФА-КНИГА.
- Савчук Т.Н. (2022). Аргументативный потенциал аналогии в дискурсе гуманитарных наук. Вестник ВолГУ. Серия 2, языкознание. Т. 21. № 2.
- Томсон, Д. Д. (2017). В защиту аборт. Переводы и публикации. Этическая мысль. Т. 17. № 2.

СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ СРЕДСТВАМИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

П.Б. Некрасов

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург
Pashka2006a@rambler.ru

В марте 2020 года из-за распространения вируса SARS-CoV-2 стали закрываться государственные учреждения всех типов, в том числе органы социального обслуживания, включая сиротские учреждения [Некрасов, 2019, с. 35]. Но, несмотря на ряд ограничений, в течение 2020–2021 годов в штатном режиме работали 58 регионов: интернатные учреждения в них не закрывались, так как данные организации являются круглосуточными и воспитанники в них находятся постоянно. В остальных регионах воспитатели были переведены на вахтовый режим работы, а в части организаций воспитанники были частично или полностью «разобраны» по семьям. При этом органы опеки и попечительства продолжали работать в полном объеме [Гарифулина и др., 2021, с. 38]. В постоянно изменяющихся реалиях вопрос социализации детей-сирот встал особо остро [Абельбейсов, 2010, с. 147], так как ограниченность пространства и отсутствие коммуникаций с «внешним» миром неблагоприятно сказываются на процессе воспитания детей-сирот [Кислица, 2015, с. 169]. В связи с закрытием социальных учреждений возник вопрос: как подготовить к социализации тех воспитанников сиротских учреждений, которые были ограничены в коммуникации из-за угрозы распространения нового вируса?

Еще до 2020 года ряд ученых-исследователей выделял те проблемы, с которыми сталкиваются выпускники организаций для детей-сирот: низкая трудовая мотивация, «инфантильность», комплекс неполноценности, трудности в самовыражении, низкая самооценка, стереотипы воспитанника детского дома. Им чужды такие понятия как "самосовершенствование", "самореализация", "развитие себя как личности"» [Жаксылыкова, 2016, с. 133]. За счет этих качеств, сложившихся в процессе воспитания в детском доме, они считают себя слабыми и ущербными, не рассчитывают на успехи в каких-либо делах. Они стараются избегать любых трудностей, вместо того, чтобы прилагать нужные усилия для развития себя как личности. Вчерашние детдомовцы не знают, как жить самостоятельно, неспособны принимать самостоятельные ответственные решения, частично не умеют добиваться поставленных целей [там же, с. 134].

В связи с тем, что был ограничен доступ в сиротские учреждения, единственными средствами связи с «внешним» миром для воспитанников стали телефоны и Интернет.

Успешными практиками общения с воспитанниками сиротских учреждений посредством коммуникационных технологий XXI века стал

проект «Лига Выпускников», разработанный выпускниками и добровольцами Санкт-Петербургского центра содействия семейного воспитания № 15, к которому позже подключилось еще несколько сиротских учреждений Санкт-Петербурга [Некрасов, 2021, с. 168]. Проект состоял из серии видео-встреч, которые передавались старшим воспитателям сиротских учреждений и после одобрения со стороны администрации центров транслировались как в учреждениях, так и в социальных сетях.

В данном формате видео-встреч выпускники и добровольцы сиротских учреждений вели два блока: образовательный и информационный. При этом информационный блок вели исключительно выпускники сиротских учреждений, где через призму своего опыта они делились воспоминаниями о своей адаптации к социуму. Немаловажно, когда человек, прошедший опыт сиротства, готов транслировать его тем ребятам, которые оказались в сиротском учреждении, и давать поддержку детям в условиях строгого карантина [Некрасов, 2021, с. 70].

Другим значимым проектом, существовавшим в эпоху пандемии, стал проект добровольческого движения «Даниловцы». По словам Оксаны Могильченко, *«во время самоизоляции они [волонтеры] не оставляли детей и придумывали для них интересные онлайн-активности. Это были веселые конкурсы, где нужно было угадывать мелодии, популярные мультфильмы и известных актеров. Волонтеры проводили танцевальные мастер-классы и просто дарили радость искреннего общения»* [Как волонтеры..., 2021]. Кроме того, в рамках проекта налажен процесс социального сопровождения после выпуска из учреждения. Это особенно важно для детей, которые выпускаются из детского дома сразу после снятия карантинных ограничений и испытывают трудности в адаптации из-за изменившихся обстоятельств.

В нынешних быстро изменяющихся условиях современные средства связи, такие как Интернет, мессенджеры, мобильные телефоны, могут служить дополнительным источником воспитания и социализации воспитанников сиротских учреждений, так как на различных платформах можно организовать обучающие курсы для воспитанников сиротских учреждений, на онлайн-платформах можно проводить различные игры. Важно отметить, что современные средства связи не способны полностью заменить воспитательные процессы, но могут служить дополнительными источниками воспитания детей-сирот, подготавливая их к последующей социализации, что позволит снизить риск дезадаптированности к социуму после выпуска из сиротского учреждения.

Литература

Абельбейсов, В. А. (2010). Социализация сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: теоретико-методологические основы. *Сибирский педагогический журнал*. №9. С. 142-151. [Электронный ресурс]. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-sirot-i-detey-ostavshihsiya-bez-](https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-sirot-i-detey-ostavshihsiya-bez)

popечeniya-roditeley-teoretiko-metodologicheskie-osnovy/viewer (дата обращения 11.03.2022).

Гарифулина Э.Ш., Семья Г.В, Фрейк Н.В. (2021) Пандемия коронавируса (COVID-19): отложенные последствия для системы профилактики социального сиротства. *Социальные науки и детство*. Т.2. № 1. С. 47-59.

Жаксылыкова М. (2016) Проблемы адаптации к социальной среде выпускников детских домов. Ахметов И.Г. (ред.) *Педагогика: традиции и инновации: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, январь 2016 г.)*. Челябинск. С. 133-135.

Как волонтеры из добровольческого движения «Даниловцы» помогли в пандемию 150 московским детям-сиротам (2021) *Официальный портал Мэра и Правительства Москвы* [Электронный ресурс]. URL: <https://dszn.ru/press-center/news/7193> (дата обращения 25.05.2022).

Кислица А.С. (2015) Обеспечение успешной социализации детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Наука и современность*. №37-1. С. 168-173 [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-uspeshnoy-sotsializatsii-detey-sirot-i-detey-ostavshih-sya-bez-popечeniya-roditeley/viewer> (дата обращения 11.03.2022).

Некрасов П.Б. (2019) Интернет как средство социализации детей-сирот. *Социальное служение православной церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург 13-14 июня 2019 г.)*. Санкт-Петербург. С. 35-39.

Некрасов П.Б. (2021) Коммуникации общения с воспитанниками сиротских учреждений в эпоху пандемии. *Шлат Н.Ю. (сост.) Образование в изменяющемся обществе: Новый взгляд на теорию и практику (Девятые Лозинские чтения Материалы Международной научно-методической конференции. Часть II*. Псков. С. 68-71.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ, СВЯЗЬ С МЕДИАСРЕДОЙ

М.М. Порошков

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург

mikhail.poroshkov@yandex.ru

Одним из главных признаков принятого государственного решения в России является его неоднократное артикулирование в медиа через выступления больших форматов первого лица государства: программные речи на форумах, обращение к Федеральному собранию, телеобращения к гражданам. Исходя из этого, можно уверенно заявлять, что государственной идеологией в России выбран консерватизм, т. к. он не только прямо заявлен на Валдайском форуме [Путин, 2021], но и идеологически подтвержден на ПМЭФ [Путин, 2022], а также обеспечен широким использованием в медиaprостранстве консервативных идеологических концептов предыдущих лет, таких как «русский мир» [Тимофеев, 2018]. Рассмотрим факторы, приведшие к выбору этой идеологии, а также её явные и скрытые преимущества и недостатки, с учетом актуальной мировой повестки.

Прежде всего, стоит отметить, что идеология, являясь сложносоставным понятием, складывается из различных предпосылок, в зависимости от подхода к её рассмотрению. Можно выделить 3 основных слагаемых, оказывающих наибольшее влияние на итоговый выбор идеологии в государстве: групповые убеждения граждан, исходящие из материальных оснований; интересы элит и форма их выражения в медиа; внутренние и внешние вызовы времени.

Материалистический подход Карла Маркса и Фридриха Энгельса к рассмотрению идеологии сохранил актуальность за счет верифицируемой посылки – у каждой идеологии есть материальное (экономическое) основание, на которой она основывается. Победа и закрепление, например, либеральной идеологии в стране, не перешедшей из феодального строя в капитализм, не представляется возможной, поскольку у нее не будет достаточного количества бенефициаров, разделяющих эти убеждения, основываясь на личном материальном опыте. Тён Ван Дейк различает общую идеологию как систему идей, групповые идеологические убеждения и лично-вариативные модели, которые учитывают непосредственный опыт человека. Чтобы стать сторонником идеологии, требуется личный и групповой опыт в социально-экономической сфере, создающий групповые убеждения. Маркс назвал бы это влиянием производительных сил и производственных отношений, которые будут предопределять интересы группы людей, а значит, и их групповые убеждения.

Применительно к России последних десятилетий, накопленный патернализм советского времени, экономические потрясения 90-х годов, сопровождаемые демонтажем государственных институтов, а также повторяющиеся кризисы сформировали негативные убеждения у граждан о жизни в стране, где власть устраняется от своей ведущей роли. Государственная и окологосударственная сфера для большинства граждан является наиболее стабильной с точки зрения трудоустройства [ВЦИОМ, 2019], аналогичное отношение к крупнейшим предприятиям, которые, даже находясь в частной собственности, ассоциируются с властной вертикалью и надежностью. Это неизбежно будет подкреплять идеологические убеждения консервативного толка, поскольку консерватизм по умолчанию является, скорее, провластной идеологией, нежели оппозиционной [Freeden, 2003, p.88]. Недавний негативный опыт применения двух других идеологий в России, социализма в 1980-е и либерализма в 1990-е годы, а также традиционное для власти апеллирование к ошибкам предыдущих периодов в медиапространстве, усложняет работу с их идеологическими концептами и снижает их политический потенциал по сравнению с консерватизмом.

Другим ключевым основанием для возникновения или закрепления идеологии является прямой интерес правящих элит и релевантности данной идеологии для решения двух видов задач: удержания и укрепления власти; решения насущных проблем, которые могут возникать как проактивно, то есть будучи продиктованными поставленными целями, так и реактивно, из необходимости отвечать на вызовы времени.

Что касается первой группы задач, то, в связи с материальными предпосылками, описанными выше, патернализм в России дает наилучший отклик среди избирателей и позволяет (в сумме с экономическими результатами) легитимировать власть на местном и на федеральном уровне.

Работа с политическим дискурсом в медиа, успешное внедрение в него понятий «суверенная демократия», «историческая Россия», «русский мир», использование нарративов с Александром Невским [Порошков, 2022, с.72–88], а также известный феномен «Крымского консенсуса» [Морев, 2018], только утвердил политические элиты в правильности сделанного в пользу консерватизма выбора. Что и было озвучено президентом, не смотря на ст. 13 конституции России, которая является, скорее, напоминанием о ст.6 советской конституции 1977 года, нежели отражением актуального положения вещей.

Решение актуальных проблем – вторая группа задач, стоящих перед властью, и она тоже способствует применению ей консервативных идеологических концептов в медиа. Потенциальный «парад суверенитетов» [Зиганшин, 2022] российских регионов после развала Союза был купирован выстраиванием новой властной вертикали; расширением мер финансовой поддержки дотационных регионов из федерального центра; поддержкой ценностей местных традиций и обычаев в рамках нарратива о многонациональности России в медиа. «Демографическая яма» [Календжян,

Ищенко, 2021], вызванная и последствиями Великой отечественной войны и кризисами конца XX века, была если не решена, то существенно скорректирована за счет сочетания экономического роста, прямой помощи государства и восстановлению пропаганды семейных ценностей, что в сумме выводит на консервативный идеологический трек.

Вопросы военной безопасности, остро стоявшие все это время и усугубившиеся в последние годы, также решаются в большинстве случаев внедрением правой повестки политического дискурса в медиа. Налаживание отношений с партнерами из Азии, со странами Персидского залива (часто монархиями), Латинской Америки, продвижение идеи многополярного мира – подобный спектр внешнеполитических задач, как показала практика, сформировал потребность в право-консервативной риторике и возобновлении на её основе идеи деколонизализма [Путин, 2022].

Приведенные выше предпосылки создали условия для установления консерватизма как государственной идеологии в России, однако, предстоящие задачи могут стать для него существенным испытанием. Так, изменение сфер влияния на мировой арене и возможное изменение государственных границ стран-соседей будет способствовать поиску новых форм властного устройства как вне России так, и внутри самого государства. Консерватизм имеет множество форм выражения в разных частях мира, однако, все его направления объединяет неприятие стремительных изменений, в особенности – социально-политических. Это противоречие может вызвать либо необходимость отхода от строго-консервативных идеологических концептов, либо их существенную адаптацию.

Разделение мира на технологические и экономические макро-регионы ставит задачу импортозамещения не только на уровне идеологических концептов для отображения в медиа, но и полноценного формирования независимых отраслей в экономике, что обязательно должно будет отразиться в политическом дискурсе. Идея прогресса, поощрение личной инициативы, ценность нового – чуждые концепты для консерватизма. Поскольку на данный момент в распоряжении государственной идеологии присутствует опыт подобной политической риторике в медиасфере только в советские годы индустриализации, возникает необходимость в использовании этих наработок, поскольку без существенной мобилизации общественных сил на данное направление решение задач такого масштаба представляется затруднительным.

Запрос на справедливость является одним из центральных в системе ценностей российского общества, это подтверждается многочисленными исследованиями [World Values Surevey, 2022]. При этом, как и во времена последних лет Российской империи, в наши дни расслоение по имущественному признаку в России – один из наиболее острых социальных вопросов [Федорова, 2017]. Как показывает практика предыдущих экономических кризисов, поляризация доходов населения в кризисные периоды только ускорится, а консервативные идеологические концепты, в

отличие от социалистических и даже либеральных [Rawls, 1999, p.266] не имеют встроенных механизмов перераспределения общественных благ. Потенциальная нарастающая несправедливость и необходимость найти для нее экономическое и идеологически-дискурсивное решение – вызов, к ответу на который нужно подготовиться.

Сложившаяся после целого ряда кризисов конца XX века консервативная государственная идеология сумела медийно и институционально ответить на основные вызовы времени. Использование групповых идеологических убеждений граждан, успешная работа с политическим дискурсом в медиа, а также внутренняя ценностная устойчивость, которая характерна консерватизму и особенно востребована в сложные времена, предопределили данную идеологию как оптимальную. Вместе с тем, решив задачи стабилизации, Россия столкнулась с необходимостью форсированного развития, как в технологической, так и, не исключено, в социально-политической сфере. Вполне вероятно, что для решения таких задач России понадобится существенная модернизация консерватизма или даже его постепенная замена на другую идеологию, которая будет в большей мере соответствовать вызовам времени.

Литература

Зиганьшин Р. М. (2022) Политико-экономические противоречия между Казанью и Москвой во время «парада суверенитетов». *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2022. №1 (60).

Календжян А.А., Ищенко О.Ю. (2021). Явление демографического кризиса в России. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. №53-2.

Крупнейшие компании-работодатели России: народный рейтинг. (2019). *Официальный сайт ВЦИОМ* [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krupnejshie-kompanii-rabotodateli-rossii-narodnyj-reiting?ysclid=17d4msq0i0354226873> (дата обращения 28.08.2022).

Морев М.В. (2018). «Крымский консенсус»: значение и перспективы. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. №2S.

Порошков М.М. (2022). Конструирование политических нарративов как инструмент политического дискурса для развития идеологических концептов и идеологий: проблемы теории и практики. *Социодинамика*. № 4. С. 72–84.

Путин В.В. (2021). Заседание дискуссионного клуба «Валдай». *Официальный сайт президента России* [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения 14.05.2022).

Путин В.В. (2022). Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. *Официальный сайт президента*

России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/68669> (дата обращения 28.08.2022).

Тимофеев С. Е. (2018). Идеологема «русский мир» в современном политическом дискурсе. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. №1.

Федорова А. В. (2017). Социальное неравенство в Российской Федерации. *SAF*. №5.

Freeden M. (2003) *Ideology: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Rawls J. (1999) *A Theory of Justice: Revised Edition*. Cambridge: Harvard University Press.

World Values Surevey. (2022). *Всемирный обзор ценностей* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения 14.05.2022).

КОЛЛЕКТИВНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

И.В. Сапон

СибГУТИ, Новосибирск, Россия
irina.sapon@bk.ru

Термин *идентичность* является сегодня достаточно популярным междисциплинарным понятием (он используется в психологии, социологии, политологии, философии, антропологии и других социально-гуманитарных областях) [Priante et al., 2018; Жаде, 2007]. Сегодня говорят о гендерной, этнической, религиозной, профессиональной, политической, гражданской, цивилизационной идентичностях и многих других. В России за последнее время появилось большое количество исследований из разных научных областей, использующих это термин. Однако в рамках данных работ не всегда поясняется его значение [Симонова, 2008].

При всей своей популярности термин *идентичность* остаётся одним из самых неясных и размытых. Однако авторы используют его так, как будто его значение давно стало очевидным [Симонова, 2008]. Безусловно, в рамках одной работы невозможно найти решение сложных теоретических вопросов, однако мы всё же попытаемся очертить границы термина, учитывая его междисциплинарность.

Термин *идентичность* пришёл из психологии, где он ассоциировался с *тождественностью*, получаемой в процессе самоопределения. Отмечалось, что у человека есть потребность в тождественности, единстве с другими людьми и с самим собой, в совпадении чего-либо с чем-либо (вещи с самой собой или с другой вещью) [Жаркова, 2016]. Это «одновременно и субъективное чувство, и объективно наблюдаемое качество личностной тождественности и непрерывности» [Симонова, 2008, с. 47].

Таким образом, идентичность рассматривается как процесс и как результат самоидентификации [Priante et al., 2018; Симонова, 2008]. Она ощущается, наблюдается, а также конструируется.

Современные социологические и психологические теории, опираясь на концепции Дж. Мида, И. Гофмана, П. Бергера и Т. Лукмана, делают акцент на сконструированности идентичности. Идентичность не рассматривается как нечто устойчивое: результат выбора той или иной идентичности зависит от контекста и целей индивида [Симонова, 2008].

В исследованиях нередко говорят о *социальной идентичности* – процессе и результате идентификации индивидов в группах и сообществах. Также нередко можно встретить термин *коллективная идентичность*. На наш взгляд, различия между этими терминами если и существуют, то они едва уловимы. Трудно провести чёткое разделение между данными понятиями: нередко они используются как синонимы или частично

совпадающие термины. Это «по сути, та же концепция, но с разных точек зрения» [Priante et al., 2018, с. 2650].

Можно найти точку зрения, согласно которой *социальная идентичность* подчёркивает принадлежность к социальной группе или категории, например, этнической, политической, национальной, классовой, а также может указывать на социальную роль. А *коллективная идентичность*, напротив, подчеркивает «*мы-сущность*» и «*коллективную свободу действий*». Первое заставляет людей осознавать, что они являются *частью группы*, а второе способствует действиям, направленным на то, чтобы *достичь общих целей* [Snow, 2001].

Есть также позиция, сторонники которой утверждают, что это разные уровни интенсивности идентификации с социальными группами: *коллективная идентичность* обозначает более высокий уровень идентификации с определённой социальной группой, указывает на чувства принадлежности и общего единства [Snow, 2001].

В одном из недавних систематических обзоров отмечалось, что выбор термина *социальная* или *коллективная идентичность* часто зависит от сферы работы учёного [Priante et al., 2018]. Согласно результатам обзора, социальные психологи чаще основываются на теории социальной идентичности (при этом часто используются *количественные методы*), а исследователи новых социальных движений, напротив, идут по стопам традиции *теории социальных движений*, используя термин *коллективная идентичность* и применяя в основном *качественные методы*. При этом было обнаружено, что большинство исследований всё же можно позиционировать как «мост», связывающий теории идентичности, социальных движений, сетей и СМИ: в них используются смешанные методы для изучения меняющейся природы идентичности в коллективных действиях с помощью социальных медиа [Priante et al., 2018].

Сондерс утверждает, что термин «коллективная идентичность» лучше использовать для групп, а не для движений: «Коллективной идентичности (в единственном числе) на уровне движения не существует, но коллективные идентичности существуют» [Saunders, 2008].

Отдельную проблему, на наш взгляд, представляет сегодня вопрос о методах измерения идентичности, так как в силу текучести процесса идентификации «идентичность трудно зафиксировать, она многомерна и постоянно ускользает от исследователя» [Симонова, 2008, с. 60]. Одним из способов изучения коллективной идентичности сегодня является анализ эмоционально-аффективных единиц семантики дискурса, языковых средств и визуальных изображений (например, анализ хештегов, мемов), а также ссылок [Rho et al., 2018; Lee, Chau, 2018; Törnberg, Wahlström, 2018].

Также актуален вопрос, насколько устойчивой может быть коллективная идентичность, сформированная в сети? Насколько честными являются социально-желаемые личные идентичности, конструируемые на личных страницах пользователей, желающих быть «трендовыми» [Jakaza,

2022]? Совпадают ли онлайн и оффлайн идентичности людей? Существует ли кризис идентичности, связанный с условиями быстро меняющегося общества и с процессами глобализации [Еремина, 2012]? И как соотносятся региональные и глобальные идентичности в онлайн-среде?

Литература

Еремина Е. В. (2012). Социальная идентичность: проблемы региональной идентификации *Регионология*. №. 2 (79). С. 149-155.

Жаде З. А. (2007). Проблема идентичности в современных социальных теориях. *Философия и общество*. №. 2 (46). С. 173-184.

Жаркова Е. С. (2016). Идентичность человека в современном мире. Проблема взаимосвязи персональной и коллективной идентичности. *Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки»*. Т. 7. №. 2. С. 150-152.

Симонова О. А. (2008). К формированию социологии идентичности. *Социологический журнал*. №. 3. С. 045-061.

Jakaza E. (2022) Identity construction or obfuscation on social media: a case of Facebook and WhatsApp. *African Identities*. Т. 20. №. 1. С. 3-25.

Lee C., Chau D. (2018). Language as pride, love, and hate: Archiving emotions through multilingual Instagram hashtags. *Discourse, Context & Media*. Т. 22. С. 21-29.

Priante A. et al. (2018). Identity and collective action via computer-mediated communication: A review and agenda for future research. *New media & society*. Т. 20. №. 7. С. 2647-2669.

Rho E. H. R., Mark G., Mazmanian M. (2018) Fostering civil discourse online: Linguistic behavior in comments of# metoo articles across political perspectives. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. Т. 2. С. 1-28.

Saunders C. (2008). Double-edged swords? Collective identity and solidarity in the environment movement. *The British journal of sociology*. Т. 59. №. 2. С. 227-253.

Törnberg A., Wahlström M. (2018). Unveiling the radical right online: Exploring framing and identity in an online anti-immigrant discussion group. *Sociologisk forskning*. С. 267-292.

ВЫРАЖЕНИЕ «ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА» В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ

А.С. Семёхина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
79114440023sa@gmail.com

Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ, проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс.

Феномен дружбы всегда занимал значительное место в русской языковой картине мира. Его осмысление активно проявляется в русских пословицах и поговорках, художественных произведениях, научных исследованиях. Одним из аспектов обращения к понятию «дружба» является гендерная дифференциация представлений о мужской и женской дружбе. Исследователи рассматривают особенности дружбы представителей разных полов в социальной плоскости [Евсеева, 2021], их психологические особенности [Медведева, Водяха, 2021; Орлова, Чернов, 2022], особенности гендерных стереотипов в отношении дружбы в текстах блогеров [Казакова, 2021] и др. Цель нашей работы – определить семантический объем значения выражения «женская дружба», которое можно считать достаточно устойчивым (поисковая система «Яндекс» на запрос «женская дружба» выдает 6 млн результатов), однако как языковая единица в лексикографических источниках нам это выражение не встретилось.

В Малом академическом словаре лексема «дружба» имеет одно значение «отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п.» [Евгеньева, 1999, с. 449]. Дифференциальные семы: «взаимная привязанность», «духовная близость», «общность интересов», – характеризуют отношения между людьми на основе понятий морально-нравственной сферы, выражающих позитивную оценку, указывающих на глубокие, крепкие связи. Однако лексикографическое описание, как известно, не отражает полный семантический объем значения. Его можно дополнить, осуществив анализ речевого употребления лексемы или выражения.

Дополнительные характеристики можно выявить на основе анализа лексической сочетаемости слова или выражения, их контекстного окружения, например, вхождения в ряды однородных членов. Для выявления семантического объема значения выражения «женская дружба» мы обратились к материалам основного и газетного разделов Национального корпуса русского языка. Нами выявлен ряд семантические характеристики выражения «женская дружба».

Прежде всего это выражение общеизвестное, о котором много говорится: *«Бесмысленно рассуждать на темы, о которых все и всё знают. Женская дружба относится именно к таким ...»* [Соломатина, 2010],

поэтому женская дружба – одна из тем художественных произведений: «Идеальный женский роман советских времен, первая "Зимняя вишня" не требовала сиквела. **Женская дружба, женские страхи, женские желания...**» [Гусятский, Идлис, Рождественская, 2008] и предмет восхваления: «– А как же воспетая настоящая **женская дружба?**» [Осипов, 2003]. Отмечается, что в произведениях искусства женская дружба представлена как сложное явление, пылкое, страстное, основанное на взаимопомощи и канонически «сильнее смерти»: «С любовью все ясно, а дружеские, вернее, **подружеские отношения** – они **тоньше и сложнее**. То, что происходит между близкими подругами – это, конечно, **страсть**. Просто другой и, возможно, даже более **возвышенный ее вид**. И если в старых романах **пылкая женская дружба** рассматривалась как предвестник другой пылкости, а хорошие подруги вообще-то должны были **помогать друг другу** обрести мужа (дickенсовская Эстер Саммерсон сама направляет свою любимую Аду в объятия Ричарда), то теперь отдельность, особость девочкинских отношений разбирается с особой пристальностью. Получается иногда средне, как в романе Фэнни Флэгг "Жареные зеленые помидоры" и снятом по нему фильме. А иногда – сногшибательно. Как в "Тельме и Луизе" Ридли Скотта – кинокартине, ставшей **каноническим изображением женской дружбы, которая сильнее смерти**» [Наринская, 2008, с. 20] Таким образом, художественное воплощение феномена женской дружбы репрезентировано образами, семантика которых вполне соответствует семантике лексемы дружба, актуализированной в словарном определении как явление морально-нравственной сферы. Интересно, что «**существует День женской дружбы (третье воскресенье августа)**» [Макеева, 2021].

В то же время в речевой практике повседневной жизни выражение «женская дружба» наделяется отрицательными коннотациями, среди которых – невозможность, иллюзорность или редкость таких отношений: «Я очень сомневаюсь по поводу того, **существует ли женская дружба**» [Актриса Екатерина..., 2007]; «... вещь такая же иллюзорная, как **женская дружба**» [Маслова, 2001]; «**Женская дружба** существует, конечно, но по-настоящему, без зависти, очень редко бывает» [Рябинина, 2005];

– недолговечность: «В реальности эта четверка давно бы уже перессорилась и распалась. По статистике, **женская дружба** четным количеством может существовать не больше двух лет. Тройки распадаются еще быстрее. Старые обиды на почве ревности вообще не забываются и не прощаются, а обсуждаются с одной из подруг, утрируются и копятя до поры до времени, чтобы потом оформиться в компромат. Впрочем, наши девушки – исключение» [Секс в большом городе, 2003];

– зависимость от отношений с мужчинами: «Понятно и другое – **женской дружбы** не бывает, первый же мужчина разбивает ее напроць» [Иванова, 2000];

– «замешанность» на вражде друг с другом или мужчинами: «Для женской дружбы нужен объект вражды» [Зинцов, 2014]; «Отличительная черта женской дружбы – оппозиция миру мужчин» [Женская солидарность..., 2003].

Резюмируя некоторые наблюдения над речевым употреблением выражения «женская дружба», отметим, что женская дружба явление амбивалентное: с одной стороны, она репрезентируется как глубокое, сильное чувство близости, что коррелирует с значением лексемы «дружба», с другой стороны, авторы текстов, как мужчины, так и женщины, выражают довольно скептическое отношение к данному феномену. Перспектива исследования видится в изучении репрезентации женской дружбы в текстах блогов и пабликов, в том числе феминистской тематики, а также в сравнительном анализе представлений об этом явлении в современных текстах и произведениях прошлых веков.

Литература

Актриса Екатерина Гусева. Да не жена я Саши Белого! (2007). *Аргументы и факты*. [Электронный ресурс] URL: <https://aif.ru/culture/person/1065> (дата обращения 28.08.2022).

Гусятский Е., Идлис Ю., Рождественская К., (2008). 10 дорог назад. *Русский репортер*. № 18.

Евсеева Я.В. (2021). Дружба и гендер. *Социология: Реферативный журнал*. № 4. С. 59–67. DOI: 10.31249/tsoc/2021.04.04.

Женская солидарность или мужская дружба? (2003). *Аргументы и факты*. [Электронный ресурс] URL: <https://archive.aif.ru/archive/1726844> (дата обращения 28.08.2022)

Зинцов О. (2014). Для женской дружбы нужен объект вражды. *Ведомости* [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/04/29/dlya-zhenskoj-druzhby-nuzhen-obekt-vrazhdy> (дата обращения 18.08.2022).

Иванова Л. (2000). *Искренне ваша грешница*. М.: Вагриус.

Казакова А.Ю. (2021). Гендерные репрезентации друзей (по материалам Яндекс. Дзен). *Социология: Реферативный журнал*. № 4. С. 39–58. DOI: 10.31249/geoc/2021.04.03.

Макеева И. (2021). День 9 июня в истории. *Парламентская газета* [Электронный ресурс] URL: <https://www.pnp.ru/social/den-9-iyunya-v-istorii-4.html> (дата обращения 30.08.2022).

Маслова Л. (2001). Кому и кобыла невеста. *Коммерсант* [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/295797> (дата обращения 28.08.2022).

Медведева, А.С., Водяха Ю. Е. (2021). Психологические особенности женской дружбы. Водяха С. А., Водяха Ю.Е. (ред.) *Проблемы психологического благополучия*. Материалы международной заочной научной конференции. Екатеринбург. С. 297–304.

Наринская А. А. (2008) Они и рады. *Коммерсантъ Weekend*. №8. С. 20.
Орлова Ю.Е., Чернов А.Ю. (2022). Структура и содержание женской дружбы. *IN SITU*. №4. С. 29–33.

Осипов С. (2003) *Страсти по Фоме*. М.: Вагриус.

Рябинина О. (2005). Ирина Аллегрова: «Мудрая женщина знает, как удержать мужчину». *Аргументы и факты*. [Электронный ресурс] URL: <http://allegrova.narod.ru/articles/dochki-materi2005.html> (дата обращения 18.08.2022).

«Секс в большом городе» 3. В стиле «психо». (2003). *Аргументы и факты* [Электронный ресурс] URL: <https://archive.aif.ru/archive/1688645> (дата обращения 18.08.2022).

Евгеньева А. П. (1999) *Словарь русского языка: в 4-х т.* М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы. Т. 1. С. 449

Соломатина Т. Ю. (2010). *Девять месяцев, или «Комедия женских положений»*. М.: Яуза-пресс.

СТАТУС НЕЙРОСЕТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ

Т. К. Скрипкина

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
Skripkina-BSC11@yandex.ru

Сегодня самообучающиеся искусственные нейронные сети (также именуемые нейросетями) занимают особое место в структуре новых медиа. Они не только нашли широкое применение в информационных технологиях, медицине и ряде других технологических направлений, но также используются в медиасреде, поскольку такие алгоритмы, среди прочего, способны самостоятельно создавать контент: генерировать изображения, текст, звуковые дорожки. В связи с этим возникает вопрос о специфическом статусе нейросети в современной системе коммуникации: по-прежнему ли такие алгоритмы сохраняют за собой статус контента, сообщения, продукта человеческой деятельности, или уже могут считаться отчасти субъектом коммуникации?

Кроме того, помимо теоретических проблем, связанных с анализом структуры коммуникации, также возникают вопросы, касающиеся практических аспектов субъектности. Применительно к нейросетям, в качестве примера можно привести два ключевых вопроса. Первый из них касается того, на кого или на что следует возложить ответственность в ситуации, когда действия самообучающейся нейросети приводят к нарушению закона. Второй аспект касается проблемы авторских прав: кто становится правообладателем контента, сгенерированного нейросетью, – сам алгоритм, создавший его программист либо кто-то ещё? [Балтутите, 2022, с. 95].

Прежде чем перейти к анализу проблематики, дадим определение центрального понятия. Искусственными нейронными сетями называют «искусственные, многослойные высокопараллельные (т. е. с большим числом независимо параллельно работающих элементов) логические структуры, составленные из формальных нейронов» [Галушкин, 2013].

Также здесь стоит добавить важное замечание, что, с позиции современных исследователей, самообучающиеся нейросети нельзя в полной мере считать технологиями искусственного интеллекта. В частности, один из аргументов сторонников этой позиции заключается в том, что на нынешнем технологическом этапе у подобных алгоритмов либо отсутствуют, либо значительно ограничены возможности для проявления такого свойства, как креативность, то есть способность создавать что-то принципиально новое, без опоры на алгоритм решения задачи или на заданные образцы [Мильгизин, Баева, 2017, с. 65]. Однако, в отличие от более простых программ, нейросети обладают способностью к самообучению и другими

элементами самостоятельности, в связи с чем и возникает вопрос об их возможной частичной субъектности в системе отношений коммуникации.

На сегодняшний день существует несколько определений понятия «субъект», авторы которых выделяют различные ключевые критерии. Так, В.А. Лекторский дает следующее определение: «Субъект – носитель деятельности, сознания и познания», который также обладает и рядом других характеристик. К специфическим чертам субъекта относятся, в частности, существование в пространстве и времени, наличие биографии, включенность в некоторую культурную среду, наличие коммуникативных и иных отношений с другими субъектами, а также статус «Я» по отношению к самому себе, статус Другого по отношению к иным субъектам, и статус познающего и преобразующего актора по отношению к объектам [Лекторский, 2010, с. 5].

Другой исследователь, И. Н. Карицкий, выделяет схожие критерии субъектности, однако, добавляет к ним ещё два аспекта: во-первых, относительность и ситуативность субъектного статуса, а во-вторых, необходимость наличия объекта, без которого реализация субъектного статуса невозможна [Карицкий, 2015, с. 111].

Если опираться на вышеприведенные критерии, то нельзя не отметить, что значительная часть этих характеристик вполне может быть применена для описания действий нейросетей. Рассмотрим подробнее, каким образом это проявляется.

Отметим, что существование алгоритма в пространстве может видаться дискуссионным, поскольку возможны различные точки зрения насчет того, следует ли считать программу «размещенной» на сервере, в некоем абстрактном «киберпространстве» или где-либо ещё (существование во времени при этом выглядит интуитивно очевидным). Однако, мы предлагаем в рамках данной дискуссии не останавливаться на метафизических аспектах, а сосредоточиться на субъектном статусе нейросетей в системе отношений коммуникации.

Что касается несомненных критериев, то в первую очередь, к ним относится статус носителя деятельности и познания. Нейросети способны более или менее самостоятельно собирать и анализировать информацию, например, не просто распознавать фотографии, но и достоверно идентифицировать, кто именно на них изображен [Кирова, Макаревич, 2018, с. 59]. Что касается возможности осуществлять более или менее самостоятельную деятельность, то в нашем случае интерес представляют в первую очередь алгоритмы, генерирующие контент, однако, современным нейросетям доступен значительно более широкий спектр действий. Эти особенности также обеспечивают самообучающимся искусственным нейронным сетям статус преобразующего и познающего актора.

Также отметим, что нейросети, применяемые в медиасфере с неизбежностью вступают в коммуникативные отношения с людьми – в первую очередь, аудиторией. Следствием этого в ряде случаев может стать

формирование статуса «Другого» по отношению к прочим участникам коммуникации – если, к примеру, речь идет об алгоритмах, генерирующих контент для социальных сетей. В этом случае аудитория получает доступ к высказыванию, которое воспринимается как сформулированное «Другим», даже если в этой роли выступает не живой человек, а логический алгоритм. Особенно ярко этот эффект проявляется, если реципиент сообщения не знает, что текст сгенерирован нейросетью.

Что касается критериев субъектности, не применимых к нейросетям, то в этом ключе наиболее спорными представляются наличие сознания и статус «Я» по отношению к самому себе. По оценкам специалистов, несмотря на то, что нейросеть «не имитирует рассудочные, умственные усилия человека, обладающего мозгом, а реально воспроизводит их», тем не менее, полноценным сознанием она не обладает [Паламарчук, 2022, с. 33]. Отсутствие сознания, в свою очередь, затрудняет возможности для проявления статуса «Я».

Здесь важно отметить, что исследователи, отрицающие возможность правосубъектности нейросетей в целом, а также их ответственности перед законом в частности, апеллируют в первую очередь к тому, что подобные алгоритмы не обладают сознанием, а потому не могут нести ответственность за совершенные действия [Балтутите, 2022, с. 95].

Под вопросом также остается наличие биографии, если учесть, что, с точки зрения В. А. Лекторского, на подход которого мы опираемся, биография необходима для сохранения идентичности «Я» и невозможна без наличия сознания: «Я – это единство индивидуальной биографии, это то, что гарантирует индивидуальную самоидентичность» [Лекторский, 2010, с.6].

Также нельзя упускать из виду критерии ситуативности и относительности субъекта, предложенные И. Н. Карицким. Статус субъекта с неизбежностью должен подразумевать наличие объекта как минимум в рамках текущего ситуативного взаимодействия. В этом ключе мы можем отметить, что в одних ситуациях алгоритм выступает в роли субъекта (когда создает контент, отправляет сообщение получателю, анализирует информацию, и др.), в то время как, например, в момент написания кода нейросеть сама занимает позицию объекта. Однако, в этой ситуации возникает вопрос о ситуативности субъектного статуса других участников взаимодействия – например, программистов, пишущих код для нейросетей, но это тема для отдельной дискуссии.

А в рамках данной работы отметим, что, исходя из вышеприведенного анализа можно предположить, что электронные самообучающиеся нейросети выполняют роль частичного ситуативного субъекта: с одной стороны, они способны собирать и анализировать информацию, вовлекаться в коммуникативные отношения и занимать статус «Другого» по отношению к прочим участникам коммуникации, однако, по оценкам большинства исследователей, не обладают сознанием и статусом «Я», а также к ним не могут быть применены понятия «биографии» и «ответственности».

Литература

Балгутите И. В. (2022) Правовое регулирование развития цифровой образовательной среды и коммерциализация результатов научных разработок в образовании. *Legal Concept*. № 21 (1). С. 91–98.

Галушкин А. И. (2013) Нейронные сети. *Большая Российская Энциклопедия* [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/technology_and_technique/text/4114009 (Дата обращения: 20.09.2022)

Карицкий И.Н. (2015) История «Субъекта» в ее некоторых ключевых моментах. *РЕМ: Psychology. Educology. Medicine*. 2015. №3-4. С. 89–116.

Кирова Л. М., Макаревич М. Л. (2018) Правовые аспекты использования нейронных сетей. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. № 1 (27). С. 58–63.

Лекторский В.А. (2010) Субъект в истории философии: проблемы и достижения. *Методология и история психологии*. 2010. Том 5. Выпуск 1. С. 5–18.

Мильгизин И.Э., Баева Л.В. (2017) К вопросу о креативности в нейросетях искусственного интеллекта. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. № 1 (13). С. 62–71.

Паламарчук Олег Тимофеевич (2022). Сможет ли искусственный интеллект обладать... Сознанием? *Общество: философия, история, культура*. № 1 (93). С. 28–35.